

Евгений Владимирович Щепетнов

1972. СОЮЗ нерушимый

Серия «Михаил Карпов», книга 9

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

«– Готов к труду и обороне!

– Вижу – буркнул Семичастный, отрываясь от каких-то бумаг – Загорелый! А мы тут бледные, как поганки! Все в работе! Не до пляжей! Бездельник.

– Так вы плюньте на все, и в Крым! – ухмыльнулся я – Там красотища! Море, скалы... девушки красивые бродят! Хорошо!

– Не до девушек... – вздохнул Семичастный и тут же демонстративно свел брови – Какие тебе девушки?! У тебя уже есть одна! Гарем завести решил?

– Почему бы и нет? – легкомысленно заявил я, еще не отошедший от недельного отдыха – Одна варит, другая шьет, третья...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Евгений Щепетнов

1972. СОЮЗ нерушимый

Глава 1

– Готов к труду и обороне!

– Вижу – буркнул Семичастный, отрываясь от каких-то бумаг – Загорелый! А мы тут бледные, как поганки! Все в работе! Не до пляжей! Бездельник.

– Так вы плюньте на все, и в Крым! – ухмыльнулся я – Там красотища! Море, скалы...девушки красивые бродят! Хорошо!

– Не до девушек... – вздохнул Семичастный и тут же демонстративно свел брови – Какие тебе девушки?! У тебя уже есть одна! Гарем завести решил?

– Почему бы и нет? – легкомысленно заявил я, еще не отошедший от недельного отдыха – Одна варит, другая шьет, третья...

– Мда... – поднял брови Председатель КГБ – Вот нельзя людям слишком много отдыхать. Сразу их куда-то налево тянет.

И тут же посерьезнел:

– Вот что, Карпов...откладывается визит Никсона на два месяца. То есть – пройдет он не десятого июня, а в середине

августа. Причина нам досконально не известна, но по некоторым данным – у него все еще не прекратилась возня с ФБР и всем, что с ним связано. То есть – идут чистки и политическая работа. Но визит не отменяется, это стопроцентно. Но нам это и на руку. Работаем по плану: ты занимаешься Дачей, готовишь группу Омега. Там все готово, и первый состав завезли. Твоя группа уже там.

– А что в Сенеже?

– Программу ты составил, так что обучаются по ней. Нормально все в Сенеже. Я тебя вот зачем пригласил...

Семичастный замолчал, и посмотрел куда-то над моей головой, постукивая пальцами по столешнице. Потом перевел взгляд на меня и секунд десять смотрел, будто определяя – можно ли со мной говорить на эту тему. Наконец решился:

– В июле состоится съезд партии, на котором будут выдвинуты тезисы, которые определяют нашу жизнь на десятилетия вперед. Многое мы почерпнули из твоей информации, на основании которой и были сделаны выводы. Впрочем – не только на ней. Перемены должны были начаться! Страну нужно перестраивать, нужно изменять! И начинать – с идеологии. Генеральный секретарь выступит с докладом, в котором все будет изложено. Есть основания считать, что после того, как пройдет съезд, могут активизироваться деструктивные силы, которым не по душе перемены, происходящие в стране. К тому времени вы должны быть готовы. Я думаю, что скорее всего, если что-то начнется, то ближе к новому году. Так что

время у нас есть. И еще...

Семичастный снова задумался.

– Еще... тот теракт, что на Мюнхенской олимпиаде. Мы решили, что твои люди должны его предотвратить. Мы отправим несколько человек под видом массажистов или еще кого-нибудь, и они ликвидируют террористов. Ты должен подготовить людей так, чтобы не было осечки. У тебя почти три месяца. Люди для Омеги подобраны самые лучшие – из спецназа, часть подобрал сам Аносов. Так что думаю – этого хватит.

– Думаете, будет война? Гражданская война? – мрачно спросил я, глядя в лицо Семичастному.

– Все может быть – так же мрачно ответил он – Мы держим на контроле, работаем с армией, но... не все в наших силах. Постараемся предотвратить.

– А может подождать со съездом? С объявлением нового курса? Вначале зачистить верхушку? Всех бунтовщиков!

– Если бы еще и знать – кто они, эти бунтовщики! – вздохнул Семичастный – Только сам бунт и выявит, кто за нас, а кто против нас. Так что...

– Теория управляемого хаоса? – усмехнулся я, и Семичастный удивленно поднял брови:

– Как ты сказал? Управляемый хаос?

– В моем мире так называют некие действия, направленные на дестабилизацию системы. Политической системы. Расшатывание, но до определенной меры – не допуская ре-

волюции. И в этом хаосе устанавливается свой порядок.

– Ну что-то вроде того – пробормотал Семичастный и махнул рукой – Поезжай. Завтра с утра должен быть на даче. Лучше всего – живи там, тем более что все условия для этого созданы.

– Вопрос! – сказал я, поднимаясь со стула – Когда я смогу слетать в Штаты? Мне нужно сыграть роль в фильме, я обещал кинокомпании. А еще – посмотреть, как идут дела. Так-то я созванивался с людьми в Штатах, но по телефону много не наговоришься, притом по таким грабительским тарифам. Мне нужно съездить.

– Тарифы ему не нравятся! – фыркнул Семичастный – Да при твоих капиталах ты сутками можешь не слезать с телефона! Вот же жадный кулачок! Я что, не знаю, что ты еще больше ста миллионов долларов отсудил у букмекеров? Там такой вой стоит в газетах – до небес!

– Я не жадный, я рачительный! – тоже фыркнул я, и добавил уже серьезно – Разрешите идти?

– Иди... полковник! – кивнул Семичастный – Завтра чтобы был на месте.

И я вышел. И пошел по знакомой ковровой дорожке, которая удивительно эффективно глушила шаги.

Неделя, которую мы с Ольгой провели в Крыму была просто...я даже не знаю, как это назвать! Это был Крым. Не Крымнаш, не Крым-жовтоблакитный – просто Крым, советская здравница. Именно здравница, потому что не зря сю-

да некогда приехал Чехов, чтобы избавиться от туберкулеза. Сухой, чистый воздух Крыма очень даже способствует выздоровлению больных легочными заболеваниями – в отличие от Сочинского. Я ничего не имею против Сочи, кроме одного – в том же Адлере ты встаешь утром где-нибудь в доме на берегу Имеретинской бухты (самая чистая морская вода Сочи именно там), а на машине слой воды едва ли не в палец. И она каплями и струями стекает на землю. Бешеная, просто сумасшедшая влажность! Нездоровый климат. Сейчас уже мало кто помнит, но вообще-то сочинские места (тот же Адлер) был местом ссылки декабристов, которые работали на осушении сочинских гнилых комариных болот.

Совсем другое дело Крым! Чистая морская вода, пляжи – и песчаные, и каменные, и просто каменистый красивый берег! Украина в свое время хапнула хорошенький такой кусочек России, загадила Крым, выкачивая из него ресурсы и ничего не возвращая назад, а когда крымчане, видя такой беспредел быстренько сбежали в Россию – объявила Крым оккупированным и потребовала возврата. Ага...шас прям! Крымчане, радостные, что сбежали от Незалежной крутили дули и показывали факи свидомым патриотам, которые кричали о том, что обязательно вернут Крым и совсем даже в недалеком будущем.

Кстати сказать, если бы Украина не повела себя так мерзко, так глупо и хапужнически – Крым от нее никуда бы не делся. Я был в Крыму, когда Союз только-только развалился.

И видел настроение крымчан – они, между прочим, были в основной массе очень довольны отделением от России. Мол, вот теперь заживем! Вот теперь нам поперет! А то Москва с нас все высасывала! А потом началось... беспредел крымских татар, наглое хапужничество украинских чиновников и олигархов, которые творили в Крыму все, что хотели, и самое главное – разгул бандеровских недобитков на территории всей Украины. И это при катастрофическом снижении доходов крымчан.

А откуда возьмутся доходы? «Кляты москали» резко перестали ездить в Крым, предпочитая ему сочинский парник, а украинские туристы... ну что с них проку? Безденежные и очень даже «рачительные» в своих поездках по Крыму. Не разгуляешься! Цены на недвижимость в Крыму резко упали, море – это не главный фактор того, что человек захочет приобрести здесь жилье. Надо еще где-то заработать денег на прожитье.

А вот потом... когда Крым «вернулся в родную гавань» – тогда и понеслось. Цены скакнули вверх просто невероятно! В Ялте за какую-нибудь древнюю халупу с участком в две сотки требовали девять-десять миллионов. А когда хозяина спрашивали – не спятил ли он? – хозяин этот самый с ухмылкой говорил, что москвичи все скупают, и у него купят тоже. И вообще: «Вам теперь что, все даром раздать?!»

Тот Крым, в котором были мы с Ольгой – был совсем другим Крымом. «Настоящим»! Мы поселились в гостинице,

куда пускали только иностранцев и номенклатуру. Это гостиница «Ореанда», которая работала как в будущем – по системе «все включено». Простой советский гражданин туда попасть не мог, хотя цена на проживание в люксе была можно сказать смешной – всего пять рублей за двухместный номер с телевизором, холодильником и даже кондиционером. Прежде чем выехать в Крым, я позвонил по известному телефонному номеру, и все было устроено в считанные часы. Когда мы с Ольгой оказались в прохладном холле гостиницы «Ореанда», нас уже ждали ключи от «люкса», за который, кстати, я не заплатил ни копейки. «Халява, плиз!».

Хорошая гостиница. Эдакий уголок высшего советского шика! Плюшевой безвкусицей назвать язык не повернется – просто сейчас так модно.

Кстати сказать, мой белый кадиллак у входа в гостиницу смотрелся хоть и эпично, но не совсем так вызывающе, как в Москве, или где-нибудь в Воронеже с Саратовом. По одной простой причине – рядом с «Ореандой» парковались и «Чайки», которые возили чиновников самого высшего ранга. Всю неделю так и стояли рядом – наш «кадди» и белая «Чайка», и кому она принадлежала, я так все-таки и не узнал.

Да по большому счету и не хотел узнавать. Мы уезжали утром и приезжали вечером – катались по всему Крыму, открыв верх и наслаждаясь сладким крымским воздухом. Обедали в ресторанах, которые попадались на пути, загорали на пляжах, которые увидели и которые нам понравились.

Даже на нудистский пляж забрели в какой-то закрытой бухте. Ольга ничуть не стесняясь окружающих тут же разнагишалась, и подставила солнцу незагорелые участки своего красивого ухоженного тела. Очень даже красивого тела. Ну а я последовал ее примеру, и почти полдня мы валялись, поджариваясь, как бифштексы на сковороде. Благо, что Ольга довольно-таки смуглая (брюнетка ведь!), а я так вообще не сгораю. И раньше практически не сгорал, в своем мире, а теперь и тем более не сгораю – Гомеостаз не позволяет. Тут же становлюсь темным, как мулат. И Ольга говорит, что загар мне идет.

В общем – отдохали мы в Крыму как в последний раз. Мало ли что там, впереди, но эта неделя наша! Только солнце, только море, только воздух. Ну и все, что к этому прилагается – вкусная еда, вкусное вино, вкусный секс, которым мы занимались там, где нам приспичит. Захотели по дороге – отъехали в сторонку, и понеслось! Или забежали за скалу. Или обнялись в море, и вроде как обжимаемся, на самом деле активно занимаясь «процессом».

Кстати сказать, таких как мы тут было полным-полно, так что наша парочка особо и не выделялась. Ну... пока не сядились в кадиллак-кабриолет. Тогда десятки и сотни завистливых взглядов упирались в наши поджаренные на солнце лица. Девицы и женщины истово завидовали Ольге – рядом с молодым мужиком, в иномарке-кабриолете! «Вот сучка!»

Ну а мужчины завидовали мне – за рулем кабриолета, с

красивой девушкой! «Вот козел!».

Но мы уже как-то начали привыкать к излишнему вниманию и практически не обращали на него внимания. Меня нередко (можно даже сказать – очень часто) узнавали в магазине, на набережной, в гостинице, и не только советские граждане. Двое французов (парочка лет сорока), каким-то образом оказавшиеся в Крыму бросились ко мне с моей книгой и попросили автограф, на ломаном русском языке объясняя, как они любят мои книги и все такое прочее. Расписался, чего уж там.

Ну а про встречи с советскими гражданами и говорить нечего – наш народ непосредственен, и нашим людям ничего не стоит подойти, и обдав запахом разливного вина (оно здесь продается прямо из бочек на улице, как квас), спросить: «Это не вы тот самый Карпов? Ну что песни пел на девятое мая! Можно, мы с вами сфотографируемся?» И неважно, что я сейчас не в том настроении, или просто сижу в ресторане и у меня стынет бифштекс – попробуй, откажи! Сразу сделаешься снобом, зазнайкой, который ни в грош не ставит простого советского человека. Было и такое. Хотя в основном я стискивал зубы и фотографировался с довольными отдыхающими, изображая из себя ручную обезьянку. «Фотку делаем! Фотку! Фотку делаем!».

Я старался маскироваться – надевал темные очки, кепочку, но... народ у нас удивительно глазастый. Да и на пляже – не будешь же сидеть в очках и кепке? Хорошо хоть на ну-

дистском пляже не просили обнять их жену или подержать ее на руках – фото на память с голым Карповым.

Но вообще, в остальном все было замечательно. Издержки популярности – терпи, раз поднялся! Когда уезжали, даже стало немного грустно. Вот и кончилась неделя! Все когда-нибудь кончается, но хорошее почему-то гораздо быстрее плохого.

Немного опасался, что мой кадди не выдержит длительной поездки по советским дорогам и где-нибудь накроется медным тазом. Отремонтировать его в СССР представляется огромной проблемой. Запчасти заказывать из США, да похоже что и мастера-слесаря – тоже. Однако кадиллак выдержал и дороги, и мародеров (они к нему просто боялись приближаться), кушал советский бензин и только гулко урчал могучим движком. Расход у него, конечно, не такой, как у той же «копейки».

Кстати – пожалел, что не перегнал ее из Саратова. «Копейка» незаметна, не то что белый мастодонт с открытым верхом. Иногда хочется куда-нибудь съездить не задействуя транспорт КГБ. Да и мало ли что там, впереди...хочется иметь под рукой запасной вариант в плане транспорта. На «копейке» тоже можно уехать хоть на Сахалин – если понадобится. Да и пальцем никто не показывает.

Вообще, я немного устал. Эти два года непрерывной гонки, борьбы, нервотрепки всех видов – оно на самом деле утомляет. Да и непрерывная выдача на-гора такого количе-

ства текста – это не проходит даром. Мозги начинают кипеть. Хочется забиться в какую-нибудь нору и никого не видеть минимум недели две! Или месяц. Кроме тех, кого видеть все-таки хочется.

Ольгу, например. С ней мне легко и приятно – во всех отношениях. Она не напрягает. Легкая в общении, никогда не ноет, всегда и всем довольна – во всем находит свои позитивные моменты. С ней и поговорить, и сексом позаниматься – одно удовольствие!

Кстати и сексом занимается с полной отдачей, и не брезгует ничем, говорит, что в сексе нет никаких запретов. Ну... тут я с ней не согласен, кое-что я на дух не переношу, всякой там грязи и гадких извращений, но в общем-то я с ней согласен. И вообще приятно знать, что у тебя есть женщина, которая тебе ни в чем не откажет. И друг, и любовница в одном флаконе. Она за меня глотку перегрызет если что, и не будет закатывать глаза и падать в обморок, если мне грозит смертельная опасность. Уверен в этом. Проверено.

Когда мы вернулись в нашу квартиру на Котельнической набережной, закрывая входную дверь Ольга вздохнула и грустно улыбнулась:

– Знаешь, наверное это были самые лучшие наши с тобой вместе дни. У меня такое ощущение, что больше такого не повторится. Жаль, что так мало. Но только ради этого стоило жить!

Я посмеялся – мол, что за пессимизм?! Что за пораженче-

ские настроения?! Но на самом деле у меня тоже было такое ощущение, только я в этом признаваться не хотел.

Мы поставили наш «кадди» на его законное место в подземном гараже высотки, и с тремя здоровенными чемоданами поднялись в нашу квартиру. И откуда только столько барахла набралось? Вроде ничего такого и не покупали... Выезжали – был один чемодан, приехали – с тремя. Ну да, заходили в тамошнюю «Березку», которая там называется совсем не «Березка», прикупили кое-какого барахла, но мне казалось – совсем мало, не такие уж объемы! А может мне показалось... Ольга хватала все подряд – купальники, чулки, нижнее белье, платья, брюки – я только успевал оплачивать. И самое смешное, что почти ничего из купленного так ни разу и не надела. Видимо весь фан был именно в покупках. Сам процесс приводит к чему-то вроде оргазма.

Я вот терпеть не могу посещать магазины и заниматься шопингом – для меня это нож острый. Ходить, рассматривать, щупать, мерить... ффффууу! А для женщин шопинг с моей точки зрения какое-то извращенное удовольствие! Особенно, когда знаешь – тебе купят все, что ты попросишь. И пусть продавщицы только глаза округляют!

Никого из наших соседей по высотке не встретили – если не считать консьержей и милиционеров при входе, почти-тьельно «взявших на козырек». Ну и лифтера, который тут же уцепился за чемодан и предложил мне помочь донести, от чего я с благодарностью отказался. Я совсем еще не стар,

чтобы пенсионер-лифтер таскал мои чемоданы. Подарил ему бутылку крымского вина – лифтер долго распинался в благодарностях.

Ну да, по календарному (если можно так выразиться) возрасту мне сейчас около пятидесяти двух лет. По реальному, физическому возрасту организма – максимум двадцать пять. Как сказала Ольга – у меня каждая мышца играет, как у какого-нибудь культуриста, особенно когда загорел, ну просто модель для художника и скульптора. Все девицы и женщины на пляже шеи свернули на меня исподтишка глядячи. Ольга со смехом рассказывала, как женщина из парочки, расположившаяся по соседству ругала своего грушеобразного мужа, приводя ему в пример меня, как настоящего мужика. Конкретно сказала, что если бы я ее поманил, она ушла бы за мной на край света! Вцепилась бы, и никуда меня не отпустила! Настоящий самец! Мужчина! Не то что он, жалкая, ничтожная личность!

Честно сказать, я эту женщину не помню и ничего такого не слышал. Если я и смотрю на женщин, то на особо красивых, фигуристых, спортивных. Особенно если таковые имелись на нудистском пляже (а они имелись). Но когда с тобой женщина, которую можно условно взять за идеал и фигуры, и характера, и интеллекта – ну на кой черт мне какие-то рыхлые матроны, мечтающие удрать с любовником на край света? Я на них вообще не смотрю. Не интересно.

Только лишь мы вошли в квартиру, прозвенел телефон-

ный звонок. Уже донесли, это уж само собой – Карпов дома! Знакомый голос пригласил меня на встречу с Семичастным – на следующий день к двенадцати часам. Само собой, от таких встреч не отказываются, так что на завтра я сидел в кабинете своего наивысшего начальства (если забыть про Провидение), и слушал его видение моей будущей жизни.

Честно сказать, мне ужасно хотелось свалить отсюда куда подальше. Я и в своем мире по горло наелся армейской службой, так еще и в «послесмертии» мне пришлось заниматься практически тем же. Тошнит уже! Я хочу писать книги! Снимать фильмы! Делать телевизионные шоу! Да просто бездельничать, отправившись вдоль побережья на своей яхте! Зря, что ли, купил виллу на побережье США? Столько планов, столько хочется успеть сделать!

Увы... долг превыше всего. Вначале я сделаю так, чтобы Союз сохранился. Чтобы он не развалился – ни за что, и никогда! И уже потом займусь удовлетворением своих желаний. Ведь в конце-то концов, зачем я занялся бизнесом? Для чего заработал такие деньги и получил такую известность? Чтобы безопасней было заниматься главным делом моей жизни – сохранением СССР! И я добьюсь этого. Добьюсь, чего бы это мне ни стоило!

Разговор с Семичастным меня можно сказать и не удивил. Единственное, о чем я пожалел – не задержался на курорте подольше. Ну хотя бы еще на неделю. Уж больно славно все получилось! Но надо и честь знать – потехе только час. Де-

ду – вся жизнь.

То, что американский президент перенес свой визит – это совершенно понятно, и чего-то подобного я ожидал. Выкорчевать из ФБР и властных структур всех заговорщиков – дело очень непростое и не одного дня. Гувер помер, как я и ожидал, как это и было в нашем времени, но его люди остались. Это паук сидел на своем месте десятки лет, и протянул свою паутину на всю страну. И не только на США.

Ну что же, до осени еще потерплю, обучу моих так сказать преемников системе подготовки спецов моего типа, и... займусь наконец интересными делами. Есть у меня задумки...если выгорит – Билл Гейтс отдыхает! Я буду круче!

Зачем круче? Да все за тем же – влиять на цивилизацию так, чтобы она шла в нужном направлении. Мессианство? Да, мессианство. И я Мессия. Никому об этом не скажу, только себе. Долго думал над тем, зачем я здесь, и пришел к выводу: я заброшен сюда за тем, чтобы земляне не уничтожили и себя, и саму Землю.

Слишком фантастично? А не более фантастично, чем существование Вселенной! Кто ее создал? Зачем? Из чего? Бог? Провидение? Назову его все-таки «Провидение». Ну, так вот: возьмем за рабочую версию тот факт, что в будущем могла начаться третья мировая война, способная уничтожить цивилизацию и выжечь Землю. А то и превратить ее в груды камней, плавающих вокруг Солнца. Возможно, так и закончила планета Фаэтон – если верить некоторым ученым.

Представим, что та же Земля суть организм, и люди входят в его структуру, как бактерии живут в организме человека. Если бактерии ведут себя правильно – организм здоров. Если начинают «хулиганить» – организм болеет и гибнет. Я конечно утрирую, все гораздо сложнее, но...скорее всего так. И вот Земля выбирает некую «бактерию», по одной ей ведомым критериям, и засылает ее, то есть меня – в прошлое, с целью заставить «колонию бактерий» изменить свое поведение, чтобы повлиять на принятие решений руководства «колонии». Чтобы избежать тотальной мировой войны, которую никто не переживет.

Я не знаю, не могу знать – почему не переживет. Возможно, изобретут оружие, которое способно уничтожить планеты. Возможно, что это оружие применит какой-нибудь безумный «ястреб» из числа доносящих демократию до неразвитых, «не демократических» стран. А наши ответят. Обязательно ответят, я знаю! И все вместе разнесут планету в космическую пыль.

И вот тут я – законсервированный, закапсулированный, с абсолютной памятью, неубиваемостью, и наверное...вечный. И я должен сделать все, чтобы цивилизация жила. Чтобы Земля жила.

Что может сделать один человек? Да много чего может! Пусть даже тысяча людей будет доказывать, что роль личности в истории ничтожна – это чушь. От личности зависит очень многое. Иногда – все!

Думаю, что пока я все делаю правильно. Иначе меня бы скорее всего уже не было в живых. И я чувствую, что все делаю правильно. И будь что будет.

«Я сделал все, что мог, и пусть другой сделает лучше меня!». Нет, не надо другого. Я сделаю. И только – я.

И снова чемоданы – числом три. Только теперь в них не пляжные принадлежности, а то, без чего нельзя, или не хочется жить длительное время. Сменные брюки-рубашки, платья и юбки, белье нательное и постельное. Не знаю – есть ли постельное белье в Даче, лучше перестрахуемся. В общем – чемоданы получились не менее тяжелыми, чем по приезду с курорта. Консьержи и милиционеры на входе проводили нас удивленными взглядами, но ничего не спросили – вышколенная обслуга. Кому какое дело, куда отправляется жилец? Может это государственная тайна! Кстати, так оно на самом деле и было.

Загрузили чемоданы в наш белый, изрядно запылившийся кадиллак, и через несколько минут он плавно, как линкор по морю, выплыл из ворот гаража, просигналив знакомому сторожу, довольно помахавшему вслед рукой.

Приятно человеку, что его не игнорируют такие важные персоны, раскатывающие на белых кадиллаках. А почему бы не сделать человеку приятно, особенно если тебе это ничего

не стоит? Библикнул, вот он и рад вниманию, а потом расскажет где-нибудь в тесной компании, что знается с самим Карповым (Ну вы знаете – писатель, герой Советского Союза! Песни еще поет классные!), и тот не гнушается здороваться при каждой встрече.

Кстати сказать, я вообще никогда не считал для себя зазорным здороваться со всеми, кого знаю. И кого не знаю – тоже. Вежливость – она не только способствует сохранению хорошего настроения, иногда она может и спасти. Поздоровался с человеком, а он может хотел тебе вогнать нож в спину! И после твоего «здравствуйте» – передумал.

Утрирую, конечно, но суть такова. И теперь, когда я стал таким узнаваемым и публичным – вежливо поздороваться, не нахамить, не нагрубить – взял себе за правило в ранге закона. Даже когда тебя узнают на пляже и пытаются с тобой сфотографироваться, а ты, понимаешь, не очень хочешь снимка в одних трусах. И тем более – без них.

Да, хорошо хоть в этом мире еще не долезли до смартфонов... иначе никакого спасения! Известный человек в моем 2018 году находится будто под перекрестным огнем – ни в магазин не выйти без того, чтобы тебя запечатлели на смартфон, ни на пляже позагорать. Чего уж тогда говорить о нудистских пляжах – поймать какую-нибудь звезду газет и экранов в абсолютно натуральном виде – мечта любого папарацци.

Впрочем, по большому счету мне и наплевать – в каком

виде меня сфотографируют. Чего мне стесняться? Как сказала Ольга – у меня фигура культуриста, а что касается мужских причиндалов – 90 процентов мужчин точно обзавидуются. И сто процентов женщин – Ольге.

Не знаю, может и так. Я не специалист по мужской красоте и гениталиям. Оставляю это дело женщинам – пусть они оценивают мужчин и их причиндалы.

Кадиллак катил по утренней Москве, на рассвете обильно умытой поливальными машинами. Пахло мокрой травой, землей, мокрым и нагретым асфальтом. По улицам уже спешили прохожие – ярко и вполне нарядно одетые. Девчонки радовали стройными ножками в коротких, очень коротких юбчонках (пришла мода с Запада) – еще чуть-чуть и будет видно трусики. Парни подметали асфальт дико расклевенными и обтягивающими бедра штанами, расстегнув легкие приталенные рубашки практически до пупка. Жара! Июнь!

Честно сказать, в Москве летом просто ужасно. В Москве нужно быть осенью, в сентябре, когда под ноги падают листья и запах этих вянущих лабораторий фотосинтеза ласкает твои запаховые рецепторы. Люблю запах осени, хотя саму осень не очень люблю. Увядание, умирание природы – что в этом хорошего? Вот весна, май – это здорово!

Лето? Ну а что летом особо хорошего, если ты заперт в мегаполисе, стоящем на болотах, и тебе некуда деться, некуда спрятаться от палящего солнца и влажного, пропитанного запахом плавящегося асфальта воздуха? О кондиционерах

простые граждане тут и не мечтают. Это я могу себе позволить вставить в окно чудо японской техники и наслаждаться прохладным воздухом, а остальные...

В общем – на волю, в пампасы! То есть – в Переделкино. На Дачу. Кстати, там по проекту должны быть кондиционеры. И когда я заложил их в проект, мне никто ни слова не сказал о том, что это сибаритство, и что советский гражданин должен терпеть и преодолевать – иначе какой же он советский гражданин? Шучу, конечно – когда дело касается государственных интересов, Страна Советов не мелочится. И в отношении мое личности – тоже.

Впрочем – Дача сама по себе должна быть чем-то вроде термоса. С ее-то толщиной стены, в которой замурованы бронеплиты. Это ведь настоящий бункер! И не удивлюсь, если он способен выдержать удар ядерной бомбы – не в «макушку», конечно, но где-нибудь поблизости. В «макушку» и подземные схроны не выдержат.

Доехали нормально, и как всегда – под перекрестным огнем взглядов советских граждан, для которых белый кадиллак – это как летающая тарелка с зелеными человечками. Менты нас не останавливают, только смотрят вслед и показывают пальцем. Смысл останавливать такую персону, даже если он чего-то там нарушил? Скорость, например, превысил. Ясно же, что ездить на кадиллаке в Советской стране может только лицо самого высшего ранга, такого высокого, что лучше бы от него быть подальше. Как от греха.

Никаких постов при подъезде к Даче не было, по крайней мере – видимых. Может и сидели какие-нибудь «ниндзя» по кустам, но я их не заметил. Да и смысла никакого нет – выставлять пост. Это когда строили, имело смысл – вдруг сделают закладку? Шпионское устройство, например! Или бомбу заложат! Или подсмострят устройство объекта. А теперь-то чего? За высоченным бетонным забором совершенно ничего не разглядишь, при всем горячем желании. Если только забраться на вершину одной из сосен в ста метрах от Дачи? Но это надо еще забраться, на высоту двух и более человеческих ростов все ветки посрубали, без спецсредств не заберешься. А человека со спецсредствами засекут просто-таки на-раз. Наблюдатели из охраны не дремлют. Ну да, еще остаются вертолет, воздушный шар, космический корабль – но я не буду умножать число сущностей.

Плотные стальные ворота выдержат гранату и обстрел из тяжелого пулемета – как и планировалось. Если поставить напротив гаубицу, или засветить из танковой пушки, тут, конечно, им и конец. Но для того, чтобы поставить гаубицу или подогнать танк – надо еще постараться. Защитники Дачи тоже не пальцем деланы, и у нас есть тяжелые пулеметы и противотанковые гранатометы. И еще кое-что... о чем знают совсем немногие. Мы готовы к бою.

Кадиллак подкатил к воротам, и не успел я нажать на сигнал, как они медленно и плавно, практически бесшумно стали отъезжать в сторону. Никого не было видно – никакой

охраны, никаких постовых – просто ворота отъезжают сами по себе. Отъехали, и кадди снова двинулся вперед, постукивая шинами по стыкам больших квадратных плит.

Дом был красив, и...как бы это лучше сказать? Могуч! Да, вот то слово – могуч! Нечто среднее между средневековым замком и барским поместьем. Не видно ни тяжелых пулеметов, укрытых за пуленепробиваемым барьером на крыше, ни автоматических гранатометов, никак не видно, что это на самом деле не дом, а дот, готовый выпустить из своего нутра сотни и тысячи смертоносных снарядов, каждый из которых может унести человеческую жизнь. И не одну. Здесь даже стекла были не простыми – пуленепробиваемые, они спокойно выдерживали бронебойную пулю автомата Калашникова или СВД. Эти стекла не так давно начали выпускать, и вот – они уже стоят в моей «даче».

У дверей меня встретил худощавый мужчина лет сорока, невидный, можно сказать неказистый, одетый просто и неброско. Я с ним уже встречался – еще в мае. Он тогда представился Федоровым Юрием Игоревичем и сообщил, что служит завхозом при моем доме, и по всем вопросам хозяйствования мне следует обращаться к нему лично – телефоны имеются и в кабинете, и в спальне, и везде, где это нужно. А теперь в доме есть две поварихи и несколько горничных, которые будут ухаживать за мной с Ольгой, и за нашими гостями – если таковые появятся. Нет, обслуживающий персонал живет не в доме – для них гостевой дом чуть по-

одадь от главного дома, персонал работает по неделе – неделю работает, неделю отдыхает.

Юрий Игоревич предложил проводить меня по дому, показать, где и что находится, освежить так сказать память (он уже показывал дом в нашу прошлую встречу) но я, поколебавшись, отказался. Мне нужно было увидеться с моей группой инструкторов, и самое главное – с ее руководителем. О чем я Юрию Игоревичу и сообщил. Он ничуть не удивился, и предложил мне пройти за ним туда, где живут курсанты и находятся инструкторы. Да, именно находятся, потому что здесь они не живут, после окончания занятий ездят домой, в Москву.

Отправив Ольгу в дом – смотреть и разбираться, где там что и как найти – я следом за «завхозом» отправился к невысоким длинным строениям, совсем непохожим на казармы. Сложены эти строения из так называемого «дикого камня» – грубо отесанные глыбы скреплены известковым раствором. На самом деле скорее всего это была стилизация под старину, и плиты, наклеенные на кирпич только изображали этот самый камень.

Казармы построены по тому же принципу, что и главный дом – в середине стены, сложенной в три кирпича, находится стальная бронеплита, способная выдержать интенсивный обстрел из крупнокалиберного пулемета типа ДШК или только что созданного, еще не пошедшего в войска «Утеса». Трехсантиметровая бронеплита со слов инженеров легко выдер-

живала пули из ДШК, который превращает в решето любой бэтэр. Надеюсь, что они не врут.

– Вы наверное хотите в первую очередь увидеть командира? Дмитрия Федоровича? Он сейчас на теоретическом занятии в учебном классе – сказал Юрий Игоревич – Первый кабинет. Проводить?

– Сам найду – кивнул я, и попросил – Распорядитесь, чтобы из машины достали наши чемоданы и отнесли в дом. И неплохо было бы ее вымыть – грязна, как куча навоза. Мы только что с отдыха, не успели помыть.

– Будет сделано – кивнул Юрий Игоревич, и пошел туда, откуда мы с ним пришли.

Я потихоньку распахнул тяжелую дверь, явно бронированную, но снаружи выглядящую простой деревянной, шагнул в коридор, который до смешного напоминал коридор в какой-нибудь сельской начальной школе. Ряд окон слева, справа – кабинеты под номерами. Не хватало только табличек: «Кабинет химии», или «Кабинет математики». Но здесь если и преподают химию, то лишь в прикладной форме – например, как лучше составить органический яд, который можно выделить из всем известных растений, или изготовить взрывчатку из подручных средств. Кстати – в отношении взрывчатки Аносов со товарищи большой специалист.

Здесь, кстати, он не Аносов. Дмитрий Федорович Ковалев, и только так. Позывной – «Акела». Ну а мой позывной «Маугли», по документам прикрытия – Мишутин Максим

Витальевич. Почему не под своим именем? Ведь кто-то может и узнать – уж больно личность я приметная, публичная личность. А вот так! Может я только похож на Карпова! Двойник. Мало ли в мире двойников? А если человек попадется при исполнении боевого задания, и из него вытянут информацию – пусть лучше он назовет меня Мишутиным. А вытянут обязательно – если будет жив. Нет людей, которых нельзя сломать – если уметь это делать.

За дверью ничего не было слышно. Оно и понятно – в таком месте не может быть фанерных дверей. Только пуленепробиваемые, только звукоизолированные. Повернул ручку, потянул... и тут же услышал голос Аносова. А еще увидел обычные студенческие столы, за которыми сидели молодые крепкие мужчины, возрастом примерно 25-30 лет. Их было... тридцать человек (я пересчитал). Одеты в гражданское – брюки, рубашки, полуботинки – они сидели, и внимательно слушали о том, каков режим секретности на нашей Даче, и как они все должны его соблюдать. И вообще – все контакты с внешним миром для них на ближайшие несколько месяцев ограничены. Похоже, что я умудрился попасть к самому первому, ознакомительному занятию. Впрочем – почему «умудрился»? Семичастный и приказывал мне прибыть сегодняшним утром, не спроста ведь он так приказал. Значит сегодня все и начнется.

Я открыл дверь, которая провернулась на петлях абсолютно бесшумно (смазаны!), проскользнул в образовавшуюся

щель. И тут же уселся за «парту», за которой сидел один крепыш, русоволосый, с рязанско-мокшанскими чертами лица. Эдакий типичный русак, каких в Центральной России пруд пруди. Выпусти его на улицы Рязани – черта с два потом найдешь среди толпы одинаковых с лица. Ну... мне так кажется. Никаких особых примет, никаких отличительных черт. Идеальный агент – и для наружки, и для исполнителя акций. Кстати, парень чем-то похож на Есенина – ну прямо как брат!

Аносов тут же меня заметил, хотел что-то сказать, но я прижал палец к губам и кивнул, мол, продолжай! А я и послушаю. Аносов легонько кивнул и продолжил:

– Вот, вкратце, для чего вас сюда собрали. Остальное вы узнаете по мере того, как будете учиться. Повторюсь – забудьте то, чему вас учили в армии – это не армия. Это... совсем другое. Вопросы есть?

– Чего опаздываешь? – вдруг услышал я голос справа от себя – Нарвешься на неприятности! Похоже, тут зверюга на зверюге! Не слышал, что говорили?

– Нет – с искренним сожалением ответил я – Пропустил. А что-то важное?

– Еще бы не важное! – тихонько фыркнул блондин рязанской наружности – Говорит, что не все доживут до конца обучения! Понял?

– Не-а... – усмехнулся я.

– Ничего, поймешь! – многообещающе ухмыльнулся

блондин, и тут же вскочил, повинувшись голосу Аносова:

– На задней парте... да, вы! – Аносов указал на моего соседа – Чем там занимаетесь? Чего болтаете?

– Извините, товарищ...

– Акела – усмехнулся Аносов – Зовите меня просто Акела.

– Извините, товарищ Акела! Рассказываю опоздавшему новичку, как обстоит дело!

– И как оно обстоит? – снова усмехнулся Аносов – И как реагирует новичок?

– Дело обстоит так, что не все доживут до окончания курсов! – отрапортовал блондин, и почему-то торжествующе посмотрел на меня. Видимо ему доставляло удовольствие сообщать плохие новости.

– Да, не все... – задумчиво протянул Аносов – Особенно те, кто болтает и не слушает преподавателя. Слабые. Неловкие. И... просто невезучие. И это хорошо.

– Разрешите задать вопрос, товарищ Акела? – не унимался блондин.

– Разрешаю – кивнул Аносов – Спрашивайте. И вообще, старайтесь поменьше прибегать к армейским формам обращения. Почему – потом поймете.

– Хорошо... товарищ Акела! – кивнул блондин – А почему хорошо, что не доживут слабые и невезучие? И вообще – что значит, «невезучие»? Это как-то не укладывается в теорию материализма! Мистикой пахнет! Как так?

– Слабые и неловкие нам не нужны. Кого-то отсеем, кто-то сам отсеется в процессе обучения. А что касается невезучих... вы разве не встречали людей, которые все время влипают в какие-то истории? Они ломают ногу на ровном месте, теряют деньги, падают там, где прошли тысячи, от них уходят жены и невесты, их случайно обходят по службе. Мистика, или нет – но такие люди есть, у них процент неприятностей гораздо выше, чем у других людей. Есть счастливики – они выигрывают в лотерею, у них все ладится. А есть вот такие – неудачники, и они нам точно не нужны – могут завалить операцию.

– А какие операции нам предстоят? И почему нам сказали взять себе псевдонимы? – снова сносил блондин.

– У вас, кстати, какой псевдоним? – спросил Аносов, глядя в глаза блондину.

– Я не знаю... я еще не выбрал! – растерялся парень.

– Будете Блондин – широко улыбнулся Аносов.

– Блондин? – растерялся парень, потом махнул рукой – Да пусть, какая разница... ну так почему?

– Потому, что не зная настоящих имен, вы не сможете сказать их врагу! – сурово ответил Аносов – Если вы попадетесь, все, что будете знать – это псевдонимы инструкторов и своих товарищей. Операции вам предстоят всякие. Какие именно – узнаете, когда придет время. Одно скажу: это тайные операции, самого высокого уровня секретности. Опять же – все детали вы узнаете только тогда, когда останутся са-

мые лучшие, те, кто нам нужен.

– А как узнать, кто вам нужен? – спросил чернявый парень, сидевший впереди меня. Худой, жилистый, с узким, топоробразным лицом он чем-то напоминал самурая из старого фильма «Семь самураев». Тот, что дрался на дуэли, специалист по боевым искусствам. Такие с виду спокойные, даже заторможенные люди бывают очень опасны в бою. Под их сонной личиной частенько скрывается взрывной темперамент.

– Вы кто? – внимательно посмотрел на него Аносов.

– Курсант... Самурай! – вытягивается чернявый.

– Хорошо, курсант Самурай – кивает Аносов – Нам нужен тот, кто сумеет выполнять все наши требования.

Аносов улыбается, курсанты растерянно молчат. Потом Акела обводит взглядом весь кабинет, задерживаясь на лицах некоторых курсантов, и задумчиво говорит:

– Я не зря сказал, чтобы вы забыли все, чему вас учили в училище. Все, чему вы научились в армии. Там вам дали базовую подготовку, можно сказать – кое-чему научили. Немного стрелять, немного драться, закалили ваше тело, подготовив его к дальнейшим испытаниям. Вы станете диверсантами самого высшего класса, специалистами, которые по приказу своей страны сделают все, что возможно в человеческих силах. И то, что невозможно – в первую очередь. И вы должны научиться исполнять приказ командира – каким бы странным, и даже страшным он ни казался. Вы будете

солдатами невидимого фронта, вы будете оружием высшего руководства страны! Вас научат убивать всеми известными в настоящий момент методами, вы пройдете через лес так, что не хрустнет ни одна веточка, вы будете лежать под водой часами, взбираться на стены, закапываться в землю, как черви, голыми руками побеждать нескольких вооруженных противников! А если не сможете – вы нам не нужны. Останутся только те, кто сможет. Но я вам это уже говорил.

– Товарищ Акела... многие из нас все это умеют – спокойно, без эмоций сообщил Самурай – И сквозь лес, и стрелять, и работать холодным оружием. И с несколькими противниками – тоже. Чему еще нас можно научить?

– Много чему – холодно улыбнулся Акела – Насколько я понимаю, курсант Самурай считает, что может победить нескольких подготовленных противников голыми руками?

– Да, я так считаю – кивнул Самурай, бесстрастный и спокойный. От него на самом деле веяло силой, он был как сжатая пружина, готовая распрямиться. Интересно, откуда он взялся? Где служил? Надо будет посмотреть его личное дело и взять на заметку. Не зря он взял себе псевдо «Самурай».

– Товарищи курсанты, перейдем в тренировочный зал! Встать! На выход – за мной!

Аносов широкими шагами пошел к двери, прошел мимо меня – не взглянув. Вот же старый конспиратор... сейчас что-нибудь отмочит, точно.

Зал спокойно вмещал тридцать человек курсантов. Мог

вместить и пятьдесят – вполне себе широкое помещение. У стен – гантели, штанги, тренажеры. По центру – пустое пространство, которое можно быстро застелить матами – их в углу лежал целый штабель. Ну и как обычно – кольца для баскетбола, и сетка для волейбола, без этого никак. Надо же давать людям отдушину, да и для выработки командного духа спортивные игры не помешают.

– Итак, курсант Самурай продемонстрирует нам свое умение побеждать нескольких противников – объявил Аносов, напомнив мне американских «объявляющих» на ринге – Кто желает попробовать победить Самурая?

– Я попробую! – откликнулся Блондин.

Я! – это высокий худой парень, на удивление широкоплечий, идвигающийся как на шарнирах – курсант Шило!

– Я! Курсант Амба!

– Достаточно – кивнул Акела – Трое. Итак, курсант Самурай, покажите, что умеете. Или вам поменьше людей? Двоих?

– Пусть будут трое – с легкой усмешкой, даже немного высокомерно ответил Самурай – Бьем в полный контакт?

– Не до смерти – буркнул Аносов, явно насторожившийся – Нам трупы на тренировках не нужны. Я вам скажу, когда можно будет в полный контакт.

– Хорошо – равнодушно пожал плечами Самурай – Не до смерти.

– Ты бы не наглел, парень! – не выдержал и фыркнул Блон-

дин – Как бы ты сам, того... не до смерти!

Самурай равнодушно пожал плечами, и ничего не ответил. Он начинал мне нравиться. Интересно, какую технику продемонстрирует? Вот будет хохма, если это ниндзюцу!

– А что, будем в повседневной одежде заниматься? – спросил курсант Амба, кряжистый широкоплечий парень со шрамом на щеке.

– Сегодня вам выдадут тренировочные костюмы – заверил Акела – Но пока что вот так, в гражданской повседневной одежде. Начали! Хватит разговоров. Намните бока Самураю!

Намять бока Самураю не получилось. Через минуту Блондин зажимал нос, из которого обильно текла кровь, Шило лежал на полу, нарвавшись на удар пяткой в печень, Амба хватал ртом воздух, зажав солнечное сплетение. Так-то хороший результат, но...они (кроме Шило) остались в сознании, а значит могли стрелять, метать ножи и другие неприятно острые предметы. А это неправильно.

Аносов посмотрел мне в глаза, и я легонько кивнул головой – можно. Тогда он объявил:

– А сейчас Самурай и Маугли!

Самурай бесстрастно посмотрел на меня, шагнувшего в круг, и внезапно в его глазах мелькнул свет узнавания. Неужели на самом деле узнал? А что, вполне может быть – мои два боя с Али транслировались по телевидению СССР – само собой разумеется, воровски. СССР частенько не платил

за украденные зарубежные программы. Ибо нефиг повозжать буржуев!

Самурай шагнул ко мне, остановился в трех шагах, постоял опустив руки по швам, потом внезапно перегнулся, изобразив что-то вроде буквы «Г» и тихо сказал:

– Мастер, я признаю свой проигрыш. Не нужно боя. Вы победитель.

Акела вытаращил глаза, не зная, что сказать, а в толпе удивленно зашумели – как так, без боя? Что значит – без боя?! Так нельзя!

Я молча наклонил голову в коротком поклоне, и Самурай отошел к сторону. А потом я повернулся к толпе:

– Ты, ты, ты, ты, и ты – вышли в центр!

Я выбрал тех, кто больше всего возмущался отсутствием поединка. Пусть потешатся.

– Ты чего командуешь?! – возмутился огромный детина, явно очень сильный. Он был огненно рыжим, на носу веснушки, как и на пудовых кулаках, способных наверное выбить кирпич из стены какой-нибудь хрущевки – Вот станешь командиром, тогда и командуй!

Я подошел к здоровяку, и без замаха воткнул ему кулак в солнечное сплетение. Хлестко, пробивая стальной пресс, точным, выверенным годами тренировок движением. Здоровяк рухнул, как подрубленная ель. Из рассеченной при падении брови обильно потекла кровь – ударился головой. Вообще, возможно что этого парня придется отчислить – он

слишком заметен. Нам нужны небольшие, крепкие, выносливые и самое главное – без особых примет бойцы. Этот слишком приметный, как маяк в Казачьей бухте Севастополя.

– Вместо него – ты! – я указал на невысокого, но тоже широкоплечего парня с правильными, можно даже сказать аристократическими чертами лица. Он был похож на киноактера немого кино – как-то даже нереально красив. Только вот ростом не вышел, а так бы...

Со всеми я расправился за минуту. Двое работали в боксерской манере, еще двое явные самбисты – пытались меня схватить и бросить наземь, а вот этот самый «аристократ» пытался изобразить что-то вроде карате – ему явно его показал кто-то из «знатоков», и теперь курсант пытался применить свои знания на практике. Вот только никто ему не подсказал, что удары ногами выше пояса есть глупость несусветная. И вообще – не надо красоты, Ваше Благородие! Больше грязи! Убийственной грязи.

Само собой – постарался ничего не им не сломать, и уж точно не собирался никого убивать. Но вырубил всех с гарантией. Очухаются минут через пятнадцать, не раньше. На всякий случай Аносов послал одного из курсантов за врачом, который прибыл буквально через пять минут, таща на себе здоровенную сумку с красным крестом. Врач был мужчиной лет тридцати пяти, худощавый, уверенный в себе. Он быстренько осмотрел поверженные тела и бесстрастно, не выра-

жая своего мнения относительно увиденного, заявил:

– Визуально никаких повреждений не обнаружил, кости целы, так что... скоро очнутся. Могу привести в чувство прямо сейчас. Нашатырем.

Я согласился на нашатырь – пусть поднимает поединщиков, не дожидаться же час или два когда они очнутся сами. Что врач и проделал – быстро, молчаливо и бесстрастно. Настоящий профи! Через несколько минут поверженные противники уже поднимались на ноги – медленно, не совсем уверенно, но поднимались. Нормально, чего уж там... урок будет на всю жизнь – если только поймут этот самый урок.

– Хотите еще попробовать? – предложил я, обводя взглядом ошеломленно молчащую толпу – Можно всем сразу. Но тогда я не гарантирую жизнь и здоровье. Вопросы есть?

– Разрешите? Курсант Орел!

Парень меньше всего походил на орла, скорее – на медведя. Кряжистый, широкоплечий увальень. Такие увальни обманчиво медлительны и невероятно сильны. «Кость широкая» – это про них.

Кстати, Поддубный тоже не выглядел особо сильным, и казался толстячком. Его мышцы не выпирали, плотно прилегая к костяку. Он никогда бы не стал «Мистер Олимпия», но этого Мистера Олимпия порвал бы как грелку. Гарантия!

– Спрашивайте, курсант Орел – разрешил я, на секунду забыв, что изображаю сейчас одного из курсантов. Но все почему-то отреагировали так, будто я имел право командо-

вать.

– Почему Самурай отказался от боя? Почему вы не настояли на том, чтобы бой состоялся?

– Нам не нужно вступать в поединок, чтобы оценить друг друга – усмехнулся я – А кроме того, курсант Самурай очень наблюдательный человек, и сразу сделал вывод – кто есть кто. Не правда ли, курсант Самурай?

– Так точно, мастер! – вдруг широко улыбнулся Самурай – Вступать в бой с победителем Мохаммеда Али – это только для идиотов! Я видел ваши бои, и скажу – вы потрясающе! Так быстро двигаться, быть таким эффективным в бою – это... мне еще расти до вас, и расти. Хотя и я все-таки неплох.

– Очень неплох – согласился я – В этом и заключается ответ, курсант Орел. Вступив в бой с курсантом Самураем мне пришлось бы его калечить, или убить. Иначе я бы не смог его победить. Или мог сам пострадать, пропустив один из ударов, а этого я допустить не могу. Я бы его все равно победил, но понес бы урон. Потому, на будущее... хмм... как бы это вам лучше сказать... В общем, слушайте притчу. Вы знаете, кто такие ниндзя? Нет? Курсант Самурай, знаешь, кто такие ниндзя? Их изначальное название – синоби.

– Да, я знаю, кто такие синоби – помедлив ответил Самурай – Очень хорошо знаю.

– Но остальные, как вижу, не знают. Что и немудрено – кивнул я, отметив для себя, что с Самураем нужно перегово-

рить в самое ближайшее время. Похоже что нам в руки попал ценный экземпляр. Алмаз, который надо лишь немного огранить.

– Итак, кто такие синоби? Они же ниндзя, как мы будем называть их в дальнейшем. Это убийцы и шпионы.

По толпе прошел шелест шепотка. Курсанты смотрели на меня во все глаза.

– Да, именно так – средневековые шпионы и убийцы, которые владели тайными знаниями, позволяющими им добиваться своих целей максимально эффективно и при этом умудриться выжить. Знаете, что делали с ниндзя, если их ловили на месте преступления? Ооо... я бы мог вам ярко описать как минимум десяток способов особо медленного и мучительного умерщвления пойманных ниндзя, но ограничусь только тремя. Например – варили. Живьем, в воде или в масле. Сдирали кожу с живого. Но ниндзя существовали всегда и существуют до сих пор. Их умение – совершенно. Их приемы – подлы и максимально эффективны. Прокрасться в замок к жертве, поднявшись по отвесной стене, убить ее и вернуться прежней дорогой – вот ниндзя. Собрать из бумаги и палок подслушивающее устройство и вызнать планы врага – это тоже ниндзя. Часами лежать под водой, дыша через трубочку в зарослях камыша – и это ниндзя. У ниндзя нет чести, для них нет подлых приемов – все поставлено на службу эффективности. То есть – это средневековые диверсанты и разведчики, тренированные для специальных задач. Как вы

думаете, для чего я это вам рассказал? Курсант Самурай!

– Вы хотите из нас сделать таких ниндзя – твердо, бесстрастно ответил Самурай.

– Не хотим, но сделаем – вздохнул я – Или отчислим, или убьем. Другого пути нет. Так вот, расскажу вам притчу о многовековой борьбе одного из кланов самурая с неким кланом ниндзя. Эти кланы враждовали сотни лет – причину вражды опускаем. Ну пусть это будет убийство одного из князей клана самураев. С тех пор и повелось, что эти кланы при первой же возможности уничтожают друг друга. Итак, дело происходит уже в наши дни. Глава нынешнего клана самураев – а они все еще существуют – узнал, где находится база вражеского клана ниндзя. Где они тренируются, живут, ну и вообще – как найти их главаря. Убить его – и многовековая борьба завершится победой самураев. Самурай, надо сказать, были опутаны сетью всевозможных ограничений – в связи с их понятием о чести. Ниндзя не связаны ничем, кроме контракта с заказчиком и клановой преданности. Ну и вот – самурай со своими людьми высадился на остров, где обитали ниндзя, и после кровопролитных схваток в бою сошлись главный самурай и главный ниндзя. Был бой, и самурай, славившийся своим умением сражаться на мечях, стал побеждать. И тогда ниндзя изобразил слабость, упал на колени и попросил пощады. И самурай его не убил. Остановил схватку. Ниндзя заливался слезами, рыдал, кланялся, и самурай, человек чести ничего не мог с ним поделать. Раз-

ве человек чести убивает пленного, сдавшегося ему на милость? И вот, пока он раздумывал, из темноты набежали другие ниндзя, набросили на самурая сеть и связали, привязав к столбу. А когда главный ниндзя, довольный результатом сражения подошел к самурая, тот плюнул ему в лицо и сказал, что у противника нет чести. На что ниндзя сказал такие слова: «Глупый самурай! Для ниндзя главное не честь, для ниндзя главное – победа!» Запомните эти слова, курсанты. Для вас нет чести, кроме одной – служить своей стране. Приказы, которые отдает вам командир, результат, который вы должны получить – вот ваша честь! И ради нее вы должны сделать что угодно! А понадобится – и пожертвовать своей жизнью, и жизнью своих товарищей. Учтите это. Я не знаю, сколько вас дойдет до финального дня. Надеюсь – большинство. Но если у вас есть какие-то сомнения в том, что вы способны стать...ниндзя – лучше сразу сообщите об этом прямо сейчас. И уйдете. Пока это еще возможно.

Вообще-то это уже было невозможно. Ни один из тех, кто здесь присутствует не будет отчислен. Если только не называть отчислением безвременную смерть. Об этом подразделении никто не должен знать. Совсем никто! Кроме тех, кому это положено. Если сейчас кто-то заявит, что отказывается становиться ниндзя, убийцей и шпионом – он подпишет себе смертный приговор. Его уничтожат. Как и где – это уже частности. Аносов об этом позаботится.

Никто не вызвался уйти. А Самурай вдруг вышел вперед

и сказал:

– Мы знали, куда идем. Не до конца, но знали. Знали, что это будет тайное подразделение диверсантов высшей квалификации. Знали, что придется трудно. Но раз мы сюда пришли, значит – должны были. Значит, в нашей жизни чего-то не хватало. Возможно – именно этого. Так что, товарищ...

– Маугли. Зовите меня просто Маугли. Вы ведь уже догадались, что я не курсант? Ну так вот – именно я пока что заведу этой конторой. Кто-то уже знает, кто я такой, кто-то догадывается, а кому-то расскажут товарищи. Но для всех – я Маугли, и никак иначе. Или Максим Мишутин. Итак, Самурай, заканчивай то, что хотел сказать.

– Да я, в общем-то, все уже сказал – слегка смутился парень – Не будет здесь дезертиров, уверен.

– Хорошо. Тогда... тогда я рад, что вы все здесь собрались! – улыбнулся я – И еще пара слов, парни. Не так страшен черт, как его малюют. Все, что нас не убивает – делает сильнее. А вы, кроме тяжелых тренировок, получите еще и тройное жалованье, премиальные каждый месяц, квартиру в Москве или там, куда покажете пальцем. Машину – каждому. При ранении – особую компенсацию и пенсию по высшему разряду в случае нетрудоспособности. Звание – срок до очередного звания в два раза меньше. Стаж – год за три, как на войне. Ну а если придется погибнуть... похороним по высшему разряду, и поможем семье – если таковая к тому времени заведется. Или родителям. Покойнику все равно, как

его похоронят, а вот семье – нет. Ну что еще сказать... подчиняться вы будете своим непосредственным командирам – то, что они скажут, для вас самый высший закон. Прикажут в кого-то стрелять – будете стрелять. Прикажут резать – будете резать. Все, что вы сделаете – лежит на их плечах, а они знают, для чего совершена акция. Вам об этом знать не обязательно и даже вредно.

– А сколько времени продлится обучение? – спросил кто-то из толпы вокруг меня.

– Первичное, на котором мы дадим вам основы того, что вы должны знать и уметь – два месяца. Но вообще полный курс – год. Ну и потом будете оттачивать мастерство, тренироваться – непрерывно, весь тот срок, который прослужите в подразделении «Омега». Готовьтесь ближайшие два месяца к таким интенсивным тренировкам, каких у вас никогда еще не было. Итак, сейчас перерыв на один час. Самурай, за мной. Акела, куда можно пройти чтобы нам с курсантом можно было поговорить?

– Соседний кабинет открыт, можно там. Или в преподавательский – это в конце коридора. Тоже открыт. Я сейчас ребятам еще цэ-у выдам, и подойду.

Я кивнул, и не глядя, идет ли за мной Самурай, двинулся на выход. Через три минуты я уже сидел за преподавательским столом. Самурай напротив, на передней парте – напряженный, серьезный.

– Я еще не смотрел твое личное дело – начал я задумчи-

во – Потом посмотрю. А пока ответь мне на несколько вопросов. И самый главный вопрос – откуда ты знаешь ниндзюцу?

– Я не знал, что это ниндзюцу – парень легонько пожал плечами – А учил меня мой дед. Где и как он научился – я не знаю. Но учил он меня серьезно, с самого раннего детства. И предупреждал, чтобы я применял боевое искусство только в мирных целях. Старался избежать школьных и уличных драк.

– И получалось? – усмехнулся я.

– Не очень – тоже улыбнулся Самурай – всяко бывало. Но вообще-то я старался избежать драк, а еще...никого не покалечить. Да, я спрашивал деда, где он все это узнал, где научился, но...он мне так и не рассказал. Говорил – по службе. А какой службе, что за служба – я не знаю. Он умер, когда я уже учился в училище погранвойск КГБ, я даже на похороны не попал. Потом служил на китайской границе, не переставал тренироваться. А как называется это боевое искусство – услышал только от вас. Хотя про самураев и синоби дед мне рассказывал. Жалею, постоянно жалею о том, что не сумел разговорить деда, не узнал его тайну. Но теперь...теперь поздно. У памятника не спросишь. Вот такая история.

– Он тебя учил всему комплексу? Или только боевым единоборствам?

– Всему. И ходить по лесу, и нырять, и подниматься по стенам. Стрелять из пистолета и винтовки я выучился в учи-

лице, стреляю на «отлично». Единоборства – сами видели. Я вообще мог этих парней убить. Легко. Они тренированные, сильные, но...

– Дед был из казаков?

– Вроде бы – да. Не любил он говорить о прошлом.

– Ладно. С этим ясно. Тогда вот что, тебе поручение: среди курсантов подыщи еще трех дельных парней. Они будут командирами отделений, ты – командиром взвода. Или нет, лучше мы назовем «группами». Первая группа, вторая, третья. Ты командир подразделения. Отвечаешь за все. Спросим с тебя!

Дверь распахнулась, и в нее вошел Аносов. Следом – Баллу, Хан и Сахи. Улыбаются – неужто рады, что меня увидели?

– Привет! Привет!

Обняли, хлопают по спине, Баллу стиснул так, что дыхание сперло.

– Эй, эй! Медведь! Осторожнее! Я хрупок и раним!

– А где наша женщина-кавалерист? – спрашивает Хан, оглядываясь назад, будто Настя могла спрятаться где-нибудь под столом.

– Багира... ушла Багира – вздыхаю я, и видя как вытягиваются, мрачают лица товарищей, тут же поправляюсь – Эй, вы чего? По заданию ушла! Дело делает! Жива и здорова, здоровее вас! Кстати, знакомьтесь – это Самурай. Ниндзя.

– Кто?! – не понял Баллу – Какой такой ниндзя?

– НинДзя – поправил я – Или по-другому – синоби. В общем – почти то самое, что мы намерены сделать из наших курсантов. Посмотрим, как стреляет, а так, сдается мне, готовый боец. Будет помогать вам учить курсантов. Надеюсь, не разочарует. Как, Самурай, не разочаруешь?

– Очень на то надеюсь, товарищ Маугли! – серьезно ответил парень, вытягиваясь по стойке «смирно».

– Я назначил его командиром взвода. Он подберет командиров отделений. Или групп – лучше так назвать. Кому, как не ему изнутри знать кто есть кто. Кстати, Самурай... в твои обязанности входит докладывать о поведении курсантов. Если ты видишь что-то такое, что вызывает твое беспокойство, о таком, что может в будущем поставить под угрозу нашу службу – ты обязан об этом доложить. Усвоил?

– Усвоил, товарищ Маугли! – тут же отрапортовал Самурай, на лице которого не дрогнул ни один мускул. Это хорошо. Хуже было бы, если бы он сейчас начал возмущаться, мол, «Я не стукач! Не буду доносить на товарищей!» – и все такое прочее.

– Ты и Акела – наша служба безопасности. Обо всем подозрительном докладываешь ему. Не дай бог в наше подразделение просочились чьи-то агенты... это очень плохо кончится. Для тебя и для всех нас. Ну, все, шагай! Отдыхай пока что.

Самурай четко, едва ли не строевым шагом вышел из кабинета, и мы остались впятером.

– Давно они здесь? – спросил я у Аносова, кивнув на дверь, за которой исчез Самурай.

– Дня три. Сегодня последние приехали – кивнул Акела – Ты загорелый, однако! Разлагаешься по курортам?

– Как и положено буржуинам. По пляжам шастали с Ольгой.

По комнате раздался дружный протяжный вздох.

– Мда... моя-то мне всю плешь проела – на курорт, говорит, хочу! – буркнул Балугу.

– Так и отправь – пожал я плечами – в чем дело-то? Тебе путевку дадут на всю семью! И остальные – чего стесняетесь? Пользуйтесь, пока государство к вам благоволит!

– А может и не благоволить? – прищурил глаза Хан.

– Не задавай глупых вопросов – парировал я – работай, служи, и получай все, что тебе положено. Вот тебе и весь сказ! Хотите я позвоню, попрошу, или вон, Акела пускай заботится, его группа, кому как ни ему заботиться о ваших семьях! Что, старый волк, и в голову не приходило, а?

– Честно говоря, нет – слегка сконфузился Аносов – Скажите, куда хотите, я сегодня же позвоню, и все решим.

– Лучше в Крым пусть едут – не раздумывая бросил я – Вода правда еще холодновата, не прогрелась, но где помельче – самое то. И климат там здоровый, и вода чистая, и вообще... хорошо в Крыму! И подлечат, если что – там санаториев куча. Ну а вы... служить, парни. Эти два месяца будут просто... задницей. До самого визита Никсона. Не в кур-

се, что его перенесли? Ну вот, знайте. На август перенесли. Омега будет обеспечивать его визит – вместе с охраной. Хорошенько учите парней. Ну и я буду учить. Но мне проще, у меня спецзанятия. На вас – все основное. И вот еще что, ребята... строго между нами, военная тайна. И это не шутка.

Я обвел взглядом посерьезневших соратников, кивнул:

– Грядут события, в которых мы можем очень даже поучаствовать. Потому будьте наготове. Скоро съезд партии, на нем будет озвучена новая программа движения страны в будущее. Страну ждут большие перемены, и кое-кому это может не понравиться. Так что... ждем неприятностей. Может они и не случатся, может обойдется, но я думаю – не обойдется. А я, увы, стал редко ошибаться в прогнозировании неприятностей. Я бы посоветовал – семьи до конца лета куда-нибудь подальше, в тот же Крым. Долой из столицы. И подчистите свои дела. Мало ли что случится, вы понимаете? Я не хочу вас пугать, но...

– Мы понимаем, командир – тяжело выдохнул Балун – И всегда готовы. Слава богу, если что – и деньги есть, и жилье есть, и дети пристроены. Знали, на что шли.

– А мне и вообще терять нечего – грустно усмехнулся Аносов – Ни семьи, ни детей, ни плетей. Вот только вы... моя Стая. Когда промахнусь... сожгите и пепел развейте над Волгой.

Помолчали, потом я собрался и улыбнувшись, фыркнул:

– Чего завели шарманку? Развеем... рассыпал... живем! И

будем жить! Нас не так просто взять! Ничто не может вышибить нас из седла! Пошли, братцы. Вы к курсантам, а я осваивать свой замок. Вечером приглашаю на застолье – будем обмывать новоселье!

Глава 2

Странное ощущение. Живу в своем доме, со всеми удобствами и возможной роскошью, и попадаю на службу, всего лишь пройдя по садовым дорожкам несколько десятков метров. Никаких тебе палаток и плаца. Дома – покой, красота, за окном цветут розы и поют птички. Тут же, рядом – пороховой дым, вытягиваемый мощными вентиляторами, учебные классы, в которых популярно рассказывают о всех возможных способах лишения жизни, и спортивный зал, в котором потные здоровенные мужики пытаются отмутузить друг друга до потери пульса.

А начинался день так: я просыпаюсь в семь часов утра, принимаю душ, иду завтракать – завтрак уже приготовлен одной из поварих и стоит на столе, накрытый белоснежными салфетками. Обычно – омлет с большим количеством молока (я такой больше люблю), бутерброды с сервелатом (настоящим, финским), бутерброды с твердым соленым сыром и хорошим сливочным маслом.

Время от времени – бутерброды с икрой, черной и красной, с осетровым балыком или форелью.

Постоянно – горячий зеленый чай с лимоном (это мне, я другого не признаю), черный кофе, сладкий до приторности (это Ольге).

Полчаса на завтрак, затем мы с Ольгой идем работать. Два

часа на диктовку очередной главы книги. К десяти утра – в учебный центр.

В учебном центре – работа полным ходом, в отличие от меня курсанты встают в шесть утра, делают гимнастику, и понеслись занятия. До обеда теория, после обеда – практика, то есть – применение «вживую» той информации, которую получили на занятиях.

Я в основном наблюдаю за процессом, вступая в дело тогда, когда нужно показать приемы стрельбы, или особо злые приемы рукопашного боя, которые не показывал в Сенеже. Не все приемы можно было дать обычному армейскому спецназу, да и не нужны они ему.

Все занятия ведут инструкторы во главе с Акелой. В общем-то почти обычная учебка, только с особо напряженным графиком и очень жесткими тренировочными реалиями. Переломов пока не было, но сломанные носы, сильные ушибы, растяжения и все такое – сколько угодно. Носы тут же вправляются, на ушибы налагаются повязки, но телесные повреждения ничуть не означают, что получивший их не должен посещать занятия. Тренируются все – больные, увечные, не выспавшиеся и усталые. Никаких исключений.

Питаются в столовой, где курсантов обслуживаются молчаливые и незаметные как тени повара и подавальщики. Они живут в отдельной казарме, им запрещено разговаривать с курсантами на любые темы. В отношении чистоты белья и одежды – своя прачечная, где тот же обслуживающий персо-

нал стирает, сушит и гладит. Курсанты только учатся и тренируются. По двенадцать часов в день. Восемь часов на сон, четыре часа на гигиену и личное время.

Недели через две начнем вывозить их в лес – «играть в прятки». Старая гвардия научит, как прятаться в лесу, как по нему ходить, как находить тех, кто в лесу спрятался. Через месяц – начнем тренировки в городе. Первые уроки по изменению внешности начались в первый же день обучения. Аносов – великий мастер перевоплощения, а на нашем складе куча всевозможных париков, банок с красками, тонами и всяческими такими штуками. Ну и одежда – от самой что ни на есть обыденной, треники и водолазки, до костюмов от хороших портных и даже смокинги. Курсанты должны уметь носить любую одежду так, чтобы они сидела на них, как влитая.

Всю одежду подбирали по размерам курсантов, на каждого по комплекту одежды как минимум в десяти вариантах.

В общем – разобраться в этой груде барахла мог только завхоз Игорь Юрьевич и его помощник, которого Игорь Юрьевич называл просто «Коля». Они каким-то образом систематизировали все эти залежи барахла и находили нужную одежду нужного размера буквально за секунды.

Я много стрелял, показывая курсантам как это правильно делать на своем примере, и просто для того, чтобы поддерживать стрелковую форму. Курсанты в общей своей массе из пистолета стреляли «на отлично», но... в рамках армей-

ских правил. «Левую руку назад, правая рука вытянута, стоять боком к мишени, пистолет на уровне глаз!» Я же учил их интуитивной стрельбе – не целясь, из любого положения, в прыжке, в падении, от груди, от бедра – из любой позы. Патронов не жалели, как и стволов пистолетов.

Основными были «Макаров», в том числе и с новыми, мной «разработанными» глушителями (я его содрал с одной из американских моделей будущего), а также иностранные модели, такие как Хай Пауэр 9 мм, вальтер ППК, Кольт 1911 (куда ж без него?!), ну и полицейские револьверы «Смит и Вессон» и «Кольт».

Жаль, что глушители можно было приделать только на «макаров», по крайней мере – пока. Чтобы поставить его на «иностранцев», нужна достаточно серьезная работа, а значит – время. Времени у нас мало.

Кстати, насчет времени – как ни странно, у меня его оказалось достаточно, чтобы заниматься своими делами. То ли я уже привык к напряженному течению своей жизни, то ли нагрузка оказалась неожиданно и сравнительно небольшой, но... у меня оставалось время и на личную так сказать жизнь, в плане моей литературной деятельности и бизнеса. Что впрочем одно неразделимо от другого. Выехать за границу я пока что не мог, но руководить процессом издалека – это запросто.

Связался со Страусом, дал ему еще один мой телефонный номер – Дачи. Страус рассказал, что наше шоу «Выживший»

имеет грандиозный успех. Он уже заключил контракт с телеканалами (США и еще десятком стран) на несколько лет вперед, и мы заработали несколько десятков миллионов долларов. Подтвердил он и факт того, что мои юристы все-таки добились британских букмекеров, которые решили зажать мой выигрыш. Отсудили больше ста миллионов долларов, а еще – кое-какую недвижимость возле Лондона – поместье и старый замок, правда требующий ремонта. Просто у этих аферюг не было денег, так что отняли все, что у них было. Так что я теперь очень богат. Если сравнить цены 1972 года и 2018 – у меня сейчас не менее трех миллиардов долларов. Хорошая прибавка к пенсии! Хе хе...

Вот-вот пойдет в прокат первый фильм серии «Нед», скорее всего к новому году. Полным ходом идут съемки «Гарри», отснято больше половины материала. Книжки продаются как горячие пирожки, так что фильм просто-таки обречен на успех. Снимали бы и быстрее, но требуется много специальных съемок, чтобы как следует показать в фильме настоящую магию. Чтобы не было топорно.

Страус горит желанием увидеть рукопись продолжения серии по Гарри, и очень меня торопил, мол, надо успеть, пока интерес людей к этой теме не затих. Я ему не стал говорить, что вообще-то это тема как ни странно никогда не затихнет, что люди, как сумасшедшие, будут читать и смотреть о мальчишке Гарри годы и десятилетия, что появятся так называемые «фанфики» на тему Гарри – легальные и нелегаль-

ные, так что особо беспокоиться не нужно. Я прекрасно его понимаю – куй железо пока горячо.

Поговорил и с Роем Диснеем – он был очень рад меня услышать, но осторожно так спросил, когда же я планирую появиться на рабочем месте. Действительно – получаю зарплату в миллион долларов в месяц, так надо хотя бы иногда появляться на работе! Ну да, моя задача не просиживать штаны в офисе, а подавать идеи, и я уже подал идей столько, что студия «Уолт Дисней» может на них существовать десятилетиями, и вполне успешно, но... совесть надо иметь! Сообщил, что планирую приехать осенью, что задержался по семейным обстоятельствам. И что очень рассчитываю, что Рой поучит меня управляться с яхтой – как только приеду, яхту приобрету. Рой сразу размяк – старый яхтсмен, для него разговоры о яхтах и море как наркотик. Я и правда собираюсь приобрести яхту – большую, океанскую, но такую, чтобы можно было управляться одному. И походить на ней вдоль побережья Америки – а почему нет? Классно ведь! Мечта!

Связался и с моим поместьем в Монклере. Там все было в порядке, Нуньесы – Амалия и Серхио очень обрадовались, услышав мой голос. Долго рассказывали, как у нас там все цветет и пахнет, каким прекрасным стал сад, и посетовали, что я так давно не приезжал. Соскучились и хотят меня видеть. Хорошие люди. Родители Лауры, жены моего друга Пабло. Кстати сказать – Пабло и Лаура активно снимаются в «Неде», не так давно звонили, спрашивали, как дела у меня

в СССР.

Про Ниночку я спрашивать не стал. Снимается, получается у нее – ну и слава богу. Посмотрим, как она получится в моем фильме. Впрочем, я и так знаю – хорошо получится. Ее ждет успех. Воспользуется она этим успехом, или нет, станет крупной голливудской звездой, или останется актрисой одной роли – я не знаю. Непредсказуемо. Поживем – увидим.

В общем, постепенно я «разрулил» с моими делами, и они пошли как по маслу – даже самому удивительно. Сiju понимаешь ли, как паук крестовик, тку свою паутину и дергаю за ниточки, и в мою паутину исправно падают жирные сытые мухи.

Да, я с умом веду бизнес, хотя и очень рискованно (вспомнить только про мои ставки на самого себя!), но тут все-таки еще и элемент удачи. Провидение возносит меня на вершину Олимпа – и это понятно, зачем возносит. Сверху виднее, да и «рулить» ситуацией сподручнее. Деньги – это не самоцель, много ли мне лично надо? Деньги – это инструмент. И это оружие. С помощью денег много чего можно сделать хорошего. Впрочем – как и плохого. Банально, но это правда.

Появилась еще одна интересная тема: Ольга, когда не была занята моими делами, занималась тем, что переводила «мои» песни на английский язык. Я не возражал – самому интересно, как бы выглядели те же баллады «Мельницы», или песни на Пастернаковские стихи в переложении на английский. Почему бы не спеть их там, в Америке? Воровать –

так воровать! Конечно, патриотические песни переводить не будем – эти песни только для нашей страны, а вот баллады – мне кажется, пойдут на-ура.

Подумалось – а может радиостанцию прикупить? Телеканал открыть...а что, почему бы и нет? У нас уже есть продюсерский центр – «Страус и Карпофф», он выпускает развлекательные фильмы и шоу, телеканал транслирует – все, как полагается!

Вообще, тут надо крепко подумать – а надо ли мне отделяться от того же Страуса? Я генератор идей, а Страус – исполнитель! С его-то связями, с его безумной энергией, беспринципностью, нацеленностью на результат...я так не смогу. Так не лучше ли поделиться частью, половиной, ограничившись контролем и только лишь генерируя идеи?

И еще...тут вот такая вещь: в мое время крупные корпорации начали отходить от купи-продай, и даже от производства. Например, та же «Ай-Би-Эм» взяла, да и продала свой компьютерный бизнес китайскому «Леново», все больше и больше переходя на консалтинговые услуги, которые приносят фирме огромные, просто фантастические деньги! В 2017 году Ай-Би-Эм заработали чистой прибылью 5.7 миллиарда долларов, и больше половины из этих денег – на консультационных услугах, то есть – консалтинг.

Итак, два главных проекта: «Амазон» и консалтинг. Кому, как не издателю с писателем заниматься продажей книг? А чем занимается Амазон, и с чего он начал? Именно с про-

даже книг он начал. Всего ничего – два компьютера, столы, складик, и... понеслось.

Второй проект – консалтинговые услуги. Но тут уже люди. Привлечь самых умных, самых дельных людей. Кого именно – я знаю. И в консалтинговые услуги будет входить обеспечение безопасности – и физической, и технологической. Скоро наступит эра интернета, ползут «черви»-вирусы, ползет весь этот сетевой мусор, аферисты, мошенники, воры – и нужно уже сейчас думать, как поставить им заслон.

Насчет людей: как «застолбить» тех, кто станет столпами будущего бизнеса? Как сделать так, чтобы они никуда не ушли? Сейчас эти люди просто студенты, мечтатели без гроша за душой, но скоро начнут подниматься. Так вот надо будет их найти и связать золотыми цепями. Сделать им такое предложение, от которого они не смогут отказаться. Ни под каким видом! Связать такими жесткими договорами, чтобы и пикнуть не могли! Чтобы даже не смотрели на сторону!

Утопично, конечно... невозможно приковать людей к веслу, как на галере. Человек ищет где лучше, и единственное, чем его можно удержать – предоставить то, чего он хочет. Хочет изобретать – пожалуйста! Хочет денег – бери, только дай результат! Найти, привязать к себе всех этих изобретателей «железа», всех программистов и гениальных руководителей! Пока они еще юны и амбиции их не простираются дальше приобретения нового автомобиля и продвижения своей маленькой фирмы программного обеспечения. Всех

этих Гейтсов, Возняков и Джобсов. Джобс, конечно, еще тот мерзавец, но...гениальный мерзавец. Если его как следует загнать в стойло, если дать возможность творить...

В общем – просто дух захватывает от перспектив! А я тут работаю тренером на закрытой тренировочной базе группы убийц-диверсантов. Ну не смешно ли?

Хмм...честно сказать – не смешно. И ощущение такое, что я сейчас еду по проселочной дороге с глубокими-преглубокими колеями, и выскочить из них не могу. И понимаю, что тащиться мне по этим колеям столько сколько это будет нужно для дела. Ведь в самом деле – не для того же, чтобы я фантастически обогатился меня сюда заслали!

Хотя...почему и нет? Деньги решают если не все, то очень многое. Чтобы смочь на что-то повлиять, нужно, чтобы тебя послушали. Кого послушают? Конечно же мультимиллиардера, чья рожа не сходит со страниц газет! Конечно же известного человека, слово которого ловят, мусолят, обсуждают все и всюду, во всем мире! А значит...

А это значит, что пока что я занимаюсь базой диверсантов. И хватит самокопаний! Если бы я делал что-то не так – давно бы это почувствовал. Меня бы или поправили, или совсем убрали. Я это точно знаю. Нет, не знаю – чувствую. Ощущаю!

Недели через две таких размышлений (в свободное от службы время), я не удержался и позвонил Страусу, который ничуть не удивился моему звонку. Я назвал ему имена

людей, которых нужно пригрести под крыло, и договорился, что все объясню, когда прилечу в США. Но чтобы он обязательно нашел этих людей, собрал на них полное досье и поставил под наблюдение. Мы должны знать – что они сейчас делают и где находятся.

А еще обрисовал Страусу направление на консалтинг, за-верив, что это самое направление в будущем будет настолько востребовано, что...ну просто словами не передать! Страус опять же не удивился, и сказал, что чего-то подобного и ожидал. Только думал, что я этим делом займусь самостоятельно – на кой черт мне сдался он, Страус, чтобы дарить такие идеи? На что я ответил совершенно откровенно – у нас будет разграничение обязанностей. Он администрирует, управляет – я даю советы и направляю. Прибыль делим пополам, как и полагается добрым партнерам.

Уже под конец нашего длинного, и довольно-таки дорогого (По стоимости! Америка же!) разговора, я все-таки решился и объявил Страусу идею «Амазона», рассказав свой план действий. А план был таким: пока нет интернета, будем рекламировать книги почтовыми рассылками и рекламой по телеканалам. А когда появится интернет – начнем работать через него. Про интернет Страусу ничего не сказал, кроме того что есть некая интересная задумка, которая осуществится через несколько лет. Но это будет просто бомба! Страус идеей заинтересовался, хотя вначале отнесся скептически – продажа вещей рассылками давным-давно известное

дело, и внести в него что-то новое совершенно нереально. Но я пообещал, что новое будет, и такое – что все просто ахнут. И мы это новое сами и сделаем. Постепенно, не сразу – но сделаем. Но к тому времени мы должны быть готовы. Компания «Страус и Карпофф» должна иметь свою торговую площадку, которая будет называться «Амазон».

В общем, почву я слегка разрыхлил, семена бросил... пусть теперь ростки всходят. Главное – начать раньше всех. Когда знаешь, как это все будет происходить – очень просто планировать и развивать.

Сеть, сеть! Мне очень не хватает сети!

Ха! Кстати, парадокс! Если бы не отсутствие сети интернет, я бы столько на своих книгах не заработал. В моем времени интернет практически убил бумажную книгу. В бумаге читают теперь только самые что ни на есть заядлые книгогоеи, презирающие электронные девайсы и обожающие запах типографской краски и шелест страниц. Остальные давным-давно впитывают книги посредством ноутбуков, планшетов и самое главное – сотовых телефонов, ставших таким же неотъемлемым атрибутом того времени как самолеты или телевизоры. В 2018 году сотовые телефоны у каждого ребенка, а я помню время, в котором обычный квартирный телефон – чудо, доступное не всем и не каждому! Хех! Да я в этом времени и живу!

Все эти две недели, которые мы с Ольгой жили в Даче, территорию базы практически не покидали – если не считать

нескольких ночных марш-бросков на несколько километров по лесу. В магазин нам ходить не нужно – все продукты имеются на складах, общаться с местными жителями никакого желания у меня не было, так что выходить за территорию совершенно нам не за чем.

На пятнадцатый день, Ольга если так можно выразиться – взбунтовалась. *«Сидим дома, как суслики! Давай хотя бы в поселке погуляем! Сходим к дому творчества! Неужели тебе не хочется навестить своих коллег? Посмотреть, как там, в этом самом доме живут? Что делают? А то ведь так пропитался пороховой гарью – не продохнуть! Отдыхать-то хоть немного нужно?!»*

Честно сказать, желания общаться с коллегами у меня не было. Ну... как-то не завел я здесь друзей среди своих коллег. Если не считать Махрова, конечно, но он ведь не писатель, потому коллегой его назвать можно только с натяжкой. А вот Дом Творчества... почему бы не сходить так сказать... «в гости»? Посмотреть комнату, в которой я жил, и в которой мы так сладко занимались любовью с Ниночкой.

Эх, Ниночка, Ниночка! Ну зачем?! Почему?! Чего тебе не хватало?! Денег?! Так я уже богаче того же Пресли! И по известности от него не отстаю! И буду еще богаче! И я ведь верный, как пес! Я за своего просто загрызу! А Пресли? Да у него таких телок – три вагона и пять маленьких тележек! Или тебе разврата захотелось? Он же устраивает оргии, и тебе захотелось попробовать окунуться в грязь? Дура ты, дура!

А сердце щемит...все-таки не чужая она мне была. Я у нее первый мужчина, и любила она меня, я ведь знаю. Но как вспомню эту картину...голая Ниночка ползает по голому Пресли, ничуть не стыдясь своей наготы, вымазанная любовными соками, потная и пахнущая мускусом...тьфу!

И даже не это меня взбесило. Ну ладно я могу понять – не удержалась, от Пресли девки просто сходят с ума, засыпают сцену своими тут же снятыми трусами. Ну шарахнуло по башке похотью, или любовью. Нет, взбесило и потрясло то, что она в самом деле ценой своей жизни и здоровья пыталась защитить любовника ОТ МЕНЯ! То есть я ей чужой, злой, жестокий, опасный, и она должна защитить свою Любовь от этого Зла, от меня!

Я бы не стал бить Пресли. Мне за пятьдесят лет, я прожил большую, и очень-преочень бурную жизнь. Видал всякое, были у меня случайные любовницы, и среди них – замужние женщины, иногда очень благополучные и добропорядочные. И зачем они бросались во все тяжкие – я не знаю. Никогда их об этом не спрашивал, по большому счету – не мое дело. Так вот за всю мою жизнь у меня выработалось четкое, и на мой взгляд абсолютно верное мнение: «Если сучка не захочет – кобель не вскочит». Русская народная поговорка, полностью отражающая суть ситуации. Так за что бить мужика, если виновата баба? Он ее не насиловал, он ее не приковывал цепями к постели! (БДСМ не считается!) Не заставлял, пользуясь своим служебным положением (Кстати –

сомнительный вариант. Домогаεται – уйди! Зачем ты ему дашь на письменном столе? Ах, он иначе карьеру тебе положит? Ну-ну...).

Впрочем – и Ниночку я бы бить не стал. И не потому, что типа женщину бить нельзя! Я встречал таких мразей женского пола, что не только бить – убивать таких надо. Мне одна наркоманка ножом едва печень не пропоролла. Если бы не был готов – не знаю, как бы все сложилось. Просто не стал бы бить женщину за измену – это унижать себя. Если женщина тебе изменила, если предпочла тебе кого-то другого... значит, это не та женщина, которая тебе нужна. Выкинь ее из своей жизни, из своей памяти, и найди другую – верную, которая с тобой в огонь и воду. И никаких: *«Прости, я сама не знаю, что со мной случилось! Давай все начнем с начала!»* Ага... и что же это такое случилось? Чувствует – а вдруг член уже в заднице! *«Ой! Что это?! Кто вы?! Нет, нет – продолжайте, продолжайте пожалуйста!»*

У предательства нет срока давности. И неважно – женская это измена, или измена Родине. Изменил раз – изменишь и другой. Предателей только вешать.

Если бы сейчас меня слышали женщины, точно бы спросили: *«А мужчины?! Вы, кобели, вечно на сторону смотрите! А как быть с вашей изменой?! Тоже вешать?!»* Ну что ответить вам... мои любимые, сисястые и попастые... да, сволочи мы, и кобели. И ничего с собой не можем поделать. Потому что Инстинкт. И есть на этот счет пословица: «Женщи-

на для мужчины – цель, мужчина для женщины – средство». То есть – нужны мы женщинам только как средство воспроизводства потомства. Осеменители и добытчики. А вот женщины для нас... в генах любого самца заложено желание покрыть как можно больше самок, чтобы оставить как можно больше своего генетического кода. И потому – женщина для мужчины всегда будет целью. И женщинам надо понимать, осознавать – все настоящие мужики именно такие. Исключения только подтверждают правила.

Я как-то сказал об этом Ольге, она вначале хихикала, потом сказала, что я шовинистический кобель, но она меня все равно любит. А когда женщина любит, в отличие от мужчин она прощает своему мужику такое, чего он ей никогда бы в жизни не простил. В том числе – измену.

Да... разные мы, мужчины и женщины. Но может в этом и есть сермяжная правда? Она же посконная. Две половинки единого целого, две противоположности. Впрочем... особо думать об этом мне сейчас некогда. Во-первых, Ольга устраивает меня во всех отношениях, так что об изменах я и не помышляю.

Во-вторых, с кем изменять-то? С поварихой, что ли? Или сразу с двумя, на кухне, среди кастрюль!

А в-третьих... не то философствований мне сейчас. График такой напряженный, что о чем-то постороннем и думать-то некогда! Если не обучение курсантов – так диктовка книг! У меня на сон-то остается максимум шесть часов! Уже

и забыл, когда спал полные восемь часов.

На следующий день мы с Ольгой, одевшись для прогулки в деревне (я в смесовых штанах, рубашке с короткими рукавами и кроссовках, Ольга в шортах, обтягивающей майке и тоже в кроссовках), отправились гулять по деревне. Стальные двери, которые не смог бы с разгону высадить и танк, медленно и важно открылись, выпуская из чрева наши две личности, и закрылись, будто отрезая нас от ТОЙ, опасной и странной обычному человеку жизни.

Удивительно, но у меня вдруг поднялось настроение, ни с того, ни с сего. Вроде бы что такого – обычная прогулка по вечерней июньской жаре а вот поди ж ты...приятно! Ольга держит меня под руку, и от этого мне смешно и приятно. Как с невестой, или с женой – идем, понимаешь ли, на променад!

К Дому Творчества подошли через час неспешной ходьбы. Время – седьмой час вечера. Дневная жара спала, стало немного прохладнее, особенно в тени деревьев. Народ повысыпал во двор – кто-то сидит на скамейке, кто-то прогуливается, иные объединились в группки и что-то истово обсуждают. Что именно – я не слышу, но вообще-то догадываюсь. Как обычно – литературу, коллег, которые пишут хрен знает что, но имеют ордена и премии. Ну а еще обсуждают политику и...женщин. Если это мужчины. Женщины, соответственно – мужчин.

Не сказал бы, чтобы контингент Дома Творчества славился красотой своих женщин и статью мужчин, но...иногда

Амур здесь все-таки пролетает. На безрыбье – и толстая писательница раком. (Да, Ольга тут же сказала: «Пошляк! Тьфу на тебя!» Но между прочим – хихикала. Двойные стандарты!)

Нас заметили не сразу. Вернее – заметили Ольгу, на меня – ноль внимания. Мужики сладострастно разглядывали ее стройные голые загорелые ноги (В Крыму загорала, и на лужайке за нашей Дачей). Ноги эти заканчивались крепкой попой, обтянутой короткими шортами, грудь, не стянутая лифчиком упруго потрагивала в такт ходьбе, в общем – есть на что поглядеть! И за что подержаться. Именно об этом и мечтали все мужчины, которые наблюдали нашу парочку – подержаться! На их физиономиях, молодых и не очень, так было и написано: «Я бы вдул!» Вдуватели хреновы...интернета нет, а вдувателей – каждый первый. Только кто вам даст, корявые, с печатью вырождения на лице? Бухать надо меньше, пузо наедать, в спортзал надо ходить, на пляжах загорать – тогда девушки вас и полюбят!

Впрочем...во все времена было, что частенько девушки смотрят не на толщину бицепса, а на толщину бумажника своего партнера. И это она...сермяжная правда!

Женщины тоже смотрели. С ног до головы, осуждая и всем видом выражая: «Врах не пройдет!». И еще: «Шлюха чертова! Откуда здесь такая взялась?! Кто ее пустил?!».

И только потом, разглядев, раздев, оттрахав в своих мечтах – наблюдатели переключились на меня. «Что это за ко-

зел, который ходит с такой телкой?!». Знакомо, да. Уже начал привыкать.

Мимо замолкнувших групп людей, мимо статуями застывших работников умственного труда, соли Земли – в центральный вход, такой знакомый и такой... хмм... родной? По лестнице, устланной ковровой дорожкой – на второй этаж, туда, где административные кабинеты. И...ряды фотографий знаменитостей, которые посетили Дом Творчества в различное время его существования.

И первое, на что наткнулся – мой здоровенный портрет, прямо с самого начала этой фотогалереи. Стою, весь такой важный, а мне вручают...что там вручают? А! Знак лауреата Ленинской премии. Точно, помню это место – трибуна, президиум, и все такое.

Ниже фото написано:

«Карпов Михаил Семенович, писатель-фантаст, в момент вручения ему Ленинской премии».

Ну да, точно, вот и подтверждение. Интересно, где они взяли это фото? Впрочем – в Союзе Писателей оно точно есть, как ему не быть? Я же гордость этого самого союза. А Дом Творчества именно ему и принадлежит.

– Вы к кому, молодые люди? – слышался знакомый голос, я обернулся и увидел женщину лет пятидесяти, одетую старомодно-строго, как и положено настоящему администратору.

Женщина присмотрелась, прищурившись, и вдруг

негромко, но явственно охнула:

– Охх... Михаил Семенович! Да вы ли это?! Прекрасно выглядите! Такой молодой, что... я вас вначале и не узнала!

– Просто сбрил бороду – усмехнулся я – Здравствуйте, Нина Викторовна. Вот, зашел в гости. Думаю – пройду так сказать по местам боевой и трудовой славы. Ничего, что я вот так, без предупреждения?

– Да что вы, что вы?! – женщина всплеснула руками – да мы всегда рады! Такой гость, такой гость! Я видела, как вы пели на девятое мая – я плакала! У нас дома все плакали! И тут, тут все вас вспоминают! Кстати... слышали мы историю с Ниночкой. Как она посмела променять вас на этого... буржуазного певца?! Безобразница!

Я нахмурился. Мне было неприятно все это слушать, и Нина Викторовна с ее чутким мозгом тут же ощутила мое настроение. Еще бы – если бы не ее умение отслеживать настроение влиятельных людей, неужели она столько лет продержалась бы на таком сытном месте? А то, что место сытное – это без всякого сомнения, и зарплата отличная, и к дефициту поближе, и всегда накормлена.

– Простите, вам это неприятно! Я понимаю. Не буду, не буду...

И тут же воспряла духом:

– Михаил Семенович! А давайте устроим вечер? Вы нам расскажете о творческих планах, споете, расскажете, как там живут, в Америке? Мы ведь никогда там не были, и навер-

ное – не будем. Так хочется узнать – как там живут люди, в этом мире чистогана! Придете? Я приглашу интересных людей, пообщаетесь! Ну пожалуйста, давайте сделаем!

– Михаил Семенович, ну почему бы не пойти на встречу людям? – вдруг подала голос Ольга – надо общаться с народом, встречаться! А когда вы хотите устроить вечер?

– Это мой секретарь, Ольга Фишман – пояснил я как бы невзначай – Она ведает моими встречами с читателями и все такое. Вообще-то я очень занят, работаю, но...надо подумать.

– Очень приятно, Ольга! – Нина Викторовна окинула Ольгу быстрым взглядом, и веки ее чуть прищурились. Мол, знаем, какие такие бывают секретари! Молодые, красивые, похожие на Варлей как две капли воды.

– Если дня через два, можно? – обратилась Нина Викторовна непонятно к кому, то ли ко мне, то ли к Ольге. Ведь якобы Ольга ведает моими встречами, я же только что это озвучил.

– Через два дня – кивнула Ольга – Время уточним по телефону, да? У вас есть визитная карточка? Ах, нет...ну запишите, пожалуйста, номер телефона, по которому с вами можно связаться, я вам перезвоню сегодня вечером...нет, завтра днем. Сегодня уже поздно.

– Но вы...точно придете на встречу, Михаил Семенович? – слегка настороженно спросила администратор – А то я людей позову, а вас и не будет. Неудобно получится.

– Точно. Я если что-то обещаю, то выполняю всегда – вздохнул я понимая, что теперь не отвертеться, и шибко досадуя на Ольгу. Зачем ей это нужно? Мне вот все эти чертовы собрания, пресс-конференции – это как нож острый!

– Отлично! – просияла женщина – Жду звонка! Как можно скорее жду! Мы еще напишем объявление, и повесим у нас в холле. Все, кому хочется – придут! А хочется многим, уверена!

Мы прошлись по Дому Творчества, и попадавшие нам навстречу обитатели номеров с любопытством на нас смотрели – то ли узнавая, то ли нет. Уже когда уходили, к нам подошла молодая женщина с не очень здоровым, бледным цветом лица, и поздоровавшись, несмело спросила:

– Извините, вы правда Михаил Карпов? Мне сказали, что Карпов – это вы!

– Да, я Карпов – улыбнулся, невольно окинув девушку взглядом. Интересно, как она здесь оказалась? Поэтесса какая-нибудь, и чья-нибудь пассия. Так-то симпатичная, но излишне худовата. Я все-таки предпочитаю спортивных, крепких девушек. Тут и ущипнуть-то не за что...

Ольга будто прочитала мои мысли, посмотрела на меня строго и хмуро. Я только пожал плечами.

– Ой, как здорово! – ахнула девушка, и сообщила – А вы не подпишете мне книги?! Ваши книги?! Я зачитываюсь вашими книгами! Такой яркий, такой красивый мир! Драконы, подвиги, месть! Ох, как я хотела бы там оказаться! В ваших

мирах!

Я едва не рассмеялся, сдержался с некоторым трудом. И подумал о том, что скорее всего такая попаданка оказалась бы где-нибудь в публичном доме. Но не самом дорогом. Клиенты вряд ли бы оценили такую худобу. Более того, скорее всего даже боялись бы иметь дело с подобной девицей – худоба, это признак болезни. В общем – долго бы она в условном средневековье не прожила.

Уже дома, в Даче, я снял трубку и позвонил по знакомому номеру. Меня выслушали, и сообщили, что мне перезвонят. Перезвонили через час, и голос в трубке сообщил, что встреча с писательской и вообще интеллигенцией одобряется на высшем уровне. Более того, пришлют пару корреспондентов центральных газет. Так что мне следует продумать – о чем следует говорить.

Я и без них знал, о чем следует, а о чем не следует говорить. И они об этом знали. Но...служба, есть служба. И я их прекрасно понимаю. Предупредил – скинул с себя ответственность. Разговоры-то пишутся. А вдруг я что-то ляпну, такое, что не понравится руководству – а тогда с кого спрос? С того, кто не предупредил! Глупо, да, но я прекрасно знаю – такова реальность. Когда начнут поиск козла отпущения, любой повод сгодится чтобы повесить его на жертву начальнического произвола. И это не меняется, наверное, с самых что ни на есть пещерных времен.

Ольга позвонила в Дом Творчества, сообщила, что я со-

гласен прийти так сказать...на вечер моего имени, ну и...в общем-то все. Договорились, в какое время будет происходить действие – выбор пал на 19 часов, когда уже и жара спала, и ужин прошел, а пару часов пообщаться перед сном – святое дело. Тем более что практически всегда в это время в Доме творчества происходили какие-то мероприятия, официальные и неофициальные. Например – те же самые встречи с маститыми писателями и поэтами. Собрались, прочитали стихи, поспорили о литературе, и довольные разошлись по номерам. Почему бы и нет?

Три последующие дня прошли как обычно – работа над книгой, тренировки, лекции по тактике и стратегии, стрельба, рукопашка...обычная моя жизнь. Не хочу ныть про то, что я снова в учебке, но...я снова в учебке! И меня это все задрало! Потому, честно сказать, я и согласился на этот самый вечер-встречу. Развеемся, с людьми пообщаться. Оказывается, я не такой уж и бирюк, каким себя представлял.

На вечер оделся просто и совершенно не вызывающе. В чем обычно хожу, в том и пошел – слаксы, рубашка с коротким рукавом, кроссовки. Гордыня! Понимаю, а все равно – ничего с собой поделать не могу. Гордыня в излишней простоте одежды. Мол – смотрите, как я прост в обращении и в одежде! И это несмотря на то, что я такой Великий! Хе хе... Ну это вроде как Папа Римский, облачившись в простую рубашку под взглядами тысяч присутствующих и миллионов телезрителей моет ноги какому-то «первому встречному». Ти-

па – он настолько прост, настолько для людей – что ниже и быть не может! И выше! Почти святой! И все знают, что тот же Папа один из самых влиятельных и богатых людей мира.

Нет, я не сравниваю себя с Папой Римским, боже упаси! Просто пример нарочитого принижения своего статуса. И мне это кажется гордыней.

Ладно, опять пошли самокопания по извечной русской теме: «Кто виноват и кому морду набить!». Отбой самокопаниям.

Тихо и мирно шествуем по направлению к Дому Творчества – пешком, никаких тебе белых кадиллаков, никаких кавалькад. Иду себе, гитара в чехле за спиной, рядом красивая женщина в короткой юбке и полупрозрачной блузке, на высоких каблуках – как из парижского бутика (Почему «как»? Из бутика и есть... дешевое своей женщине не покупаю!). Подходим к Дому творчества, и... я офигеваю! Машины! Люди! Целая толпа, как у цирка перед представлением иллюзиониста Кио! Черт подери, я вижу даже милиционера у входа!

Смотрю время на своих золотых часах (люблю хорошие часы, чего уж там...) – без четверти семь. Как раз вовремя – чтобы и не дожидаться, если придешь заранее, но и опаздывать нехорошо. Я вообще стараюсь никогда не опаздывать, и такое безобразие как опоздание у меня происходит очень редко.

Проталкиваемся через толпу у подъезда, поднимаемся по

ступеням, туда, где у входа стоит милиционер – высокий рыжий старшина, потеющий в рубашке с длинными рукавами. Шагаю к двери, и тут милиционер загораживает мне вход:

– Молодой человек, вы куда?! Сегодня мероприятие! Вход по гостевым картам, или по билетам! У вас есть карта или билет?

Ольга вдруг радостно хохочет, ситуация ее развеселила, я тоже не удерживаюсь от улыбки и неожиданно для себя думаю, что наверное, все-таки не зря пришел. Приключение! Будет что рассказать Махрову! Кстати – давно с ним не виделись. Нехорошо-с! Неплохо было бы пригласить его на Дачу, но...не знаю, есть ли у него допуск.

Впрочем – я же не в казармы его зову, и не на тренировочную площадку. В свой дом! Дача-то по документам принадлежит мне. И эти документы у меня имеются. Забавно – все сооружения, что имеются на территории участка там зафиксированы. Только называются они по-другому. Казарма – хозпостройкой. Подземный тир – хранилищем овощей. Ну и так далее. Конечно, подземные ходы там не отмечены, но кому какое дело? Все-таки приглашу Махрова, посидим, попьем чаю, поговорим за жизнь. Узнаю, как там дела у Тарковского, снимающего фильм по моему «Зверенышу».

– Чего вы смеетесь, гражданка?! – оскорбляется милиционер – И вообще...ваш внешний вид! Сейчас сюда лауреат Ленинской премии приедет, писатель с мировым именем, а вы тут голые ляжки показываете народу! И не стыдно?!

– Не-а! – еще пуще хохочет Ольга, а меня разбирает истерический смех. Ну комедия же, право слово! Водевиль, мать-перемать!

– О! Михаил Семенович! Вы уже здесь?! – выдвигается из-за спины милиционера организатор действия Нина Викторовна – Здравствуйте! Ольга Львовна, здравствуйте! Вы чего не заходите? Мы вас ждем!

– Да вот, не пускают нас – осторожно протирая глаза платочком отвечает все еще улыбающаяся Ольга – Говорят, что мои ноги оскорбляют человеческое достоинство окружающих, и в частности – лауреата! И что таким как я не место... в таком месте!

– Кто так сказал?! – ахнула администраторша, и сделала страшные глаза покрасневшему, все уже понявшему милиционеру – Пойдемте, пойдемте! Конференц-зал уже полон!

– А эти люди? – кивнул я на толпу у лестницы.

– Они постоят, послушают! Мы будем транслировать из динамика! – гордо ответила администраторша – Идемте скорее! Все уже заждались! А может хотите попить с дороги? Чаю? Подождем, ничего!

– Нет-нет! – сразу же открестился я от такого предложения, представив, как вся эта масса народа дожидается меня, перешептываясь и страдая от жары. Мне и чай в глотку не ползет! А духота и правда ужасная... июль на носу! Самые жаркие дни! А вот лето уже пошло на осень. Кончились самые длинные дни...

Грустно. Ждешь, ждешь этого лета, а оно – рраз! – и пролетело, в духоте, в солнечном пекле, в тучах комаров и мух, в мечтах о прохладе и осеннем ветре. Человек никогда не бывает доволен. Летом ему дай зиму, зимой – лето.

Конференц-зал Дома Творчества я раньше не видел. Как оказалось, это вполне себе вместительное помещение, которое одновременно служит и кинотеатром – не до конца задвинутый занавес скрывал за собой здоровенный белый экран. Не помню, чтобы при мне тут показывали какие-либо кинофильмы, но наверное, когда-то все же показывали, раз этот экран тут имелся.

На сцене стояли кресло и журнальный столик, на столике лежал микрофон, стояли открытые бутылки с минералкой, только что из холодильника – по зеленому стеклу, запотевшему на открытом воздухе, стекали капельки влаги, и мне ужасно захотелось тут же опорожнить в себя одну из бутылок.

– Вам стульчик дать? Сядете рядом с Михаилом Семеновичем? – негромко спросила у Ольги администраторша, Ольга улыбнулась и попросила посадить ее в первом ряду. Чтобы ее ноги не оскорбляли человеческое достоинство собравшихся здесь людей. Нина Викторовна смутилась и пообещала сообщить начальнику старшины о таком его дурацком поведении, и еще раз за него извинилась. Мы с Ольгой переглянулись и невольно улыбнулись. Честно сказать, нас это происшествие только позабавило, о чем мы и сообщили

нашей спатнице. А она по секрету поведала, что для обеспечения порядка попросила у начальника местного РОВД прислать ей какого-нибудь дельного милиционера. И вот... прислали! Позорище! Не узнать в лицо знаменитого писателя! Небось и книжки не читает, идиот!

– Товарищи! – заблажил со сцены мужчина лет сорока, который возился на сцене, задерживая экран и что-то поправляя на столике с микрофоном – Встречаем Михаила Семеновича Карпова! Вот он, уже идет!

Да, я «уже шел», и зал встретил меня громовыми аплодисментами. Многие привстали, чтобы меня рассмотреть в подробностях, и я вдруг понял, что должна ощущать манекенщица, выходящая на подиум в нижнем белье. Все так и надеются, что у тебя слетят трусы и усиленно пялятся в лифчик и между ног. Вероятно, со временем к этому привыкаешь, но для того надо часто выходить на этот самый подиум. А я за все время был на «подиуме» всего ничего раз...

Уже со сцены посмотрел в зал, и в первом ряду увидел две знакомые физиономии – Махрова, моего друга и по совместительству министра культуры, и Панкина, редактора «Комсомольской правды». Махров был один, без жены, заметил, что я его вижу, сделал знак кулаком, как кубинский революционер – держись, мол! Я с тобой! Хе хе...это и пугает. Чего вдруг сам министр культуры прирулил? Откуда узнал об этом шабаше? Подозрительно!

Я прошел на сцену, встал перед залом, постоял пару се-

кунд, глядя в лица собравшихся людей, и коротко поклонился. Затем сел в кресло, взял микрофон, и сказал:

– Спасибо, что пришли. Я очень рад вас всех видеть в этом зале. Писатель не должен отрываться от народа, не правда ли? Давно с вами не встречался, а жаль. А сейчас позвольте я выпью пару глотков водички – жара! А я бежал, торопился на встречу, запалился!

Под смех в зале наливаю из запотевшей бутылки и с наслаждением опрокидываю стакан в глотку. Ух, хорошо!

– Когда-нибудь настанет время, когда в каждом доме будет кондиционер – улыбаясь, киваю я залу – А пока будем пытаться выжить и так. Русский человек и не такое переносил, нам не привыкать! Ну что же, если у вас есть вопросы – лучше изложить их на бумаге. Пишите записки, а мой секретарь пройдет по залу и соберет. Я буду зачитывать эти записки, и отвечать на изложенные в них вопросы. Обещаю – отвечу на все заданные вопросы! Какими бы странными они ни были. Итак, пока пишете записки, может кто-то спросит меня и так, вживую, так сказать? Поднимайте руки, а я буду выбирать – случайным образом. Не обижайтесь, если кого-то пропущу. Напишите записку – я отвечу. Кстати, если кто не знает – в зале присутствуют наш министр культуры Махров и главный редактор Комсомольской Правды Панкин. Махров – гениальный издатель, который сумел поднять издательство, которым командовал – до небывалых высот, а о профессионализме Панкина ходят легенды в журналистском со-

обществе. И еще – они мои друзья, я их очень уважаю и рад их видеть. Товарищи, поприветствуем! Покажитесь народу, друзья!

Махров и Панкин встали, улыбаясь раскланялись, зал им бурно хлопал. Махров исподтишка показал мне кулак, я только легонько подмигнул левым глазом. Пусть народ знает своих героев. Да и им приятно – почему нет?

Панкин поднял руку, как школьник, и я улыбнулся:

– Первое слово Борису Дмитриевичу Панкину – ну кому, как ни ему? Так сказать – «по-блату» (В зале заулыбались, захохотали). Давайте, Борис Дмитриевич!

– Приветствую, Михаил Семенович – начал Панкин неспешно, но тут же перешел к делу – Первый вопрос, конечно же, о ваших творческих планах. Что пишете, что собираетесь писать, и вообще – как протекает ваша творческая деятельность. И в связи с этим – как помогает вам государство, не испытываете ли вы каких-нибудь трудностей, есть ли у вас претензии к государству? И еще: как вы оцениваете работу ваших коллег по писательскому цеху? Не будем говорить за всех – возьмем тех же писателей-фантастов. Как вам их творчество? Актуально ли оно сейчас, в свете последних мировых событий, развития прогресса. О чем, как вам кажется, нужно сейчас писать, чтобы добиться такого же успеха, какого добились вы? И кого вы считаете лучшими фантастами современности. Нашими лучшими фантастами, советскими. Спасибо за внимание.

Панкин сел на место, а я едва не помотал головой – вот же черт! Это надо же было умудриться так глобально пройти по теме! Да еще и хайпу добавил – попробуй сейчас, по критикуй коллег-фантастов, греха не оберешься! Кого критиковать-то?! Стругацких? Ефремова? Нынешних Стругацких критиковать не за что. Работают, пишут хорошие книги. Кстати...опа! А не они ли сидят вон там, справа, в первом ряду? А возле них кто? Знакомое лицо...черт! Да это же Ефремов! Вот это да! Стоп...а это кто там сидит, скромно так, во втором ряду? Черт подери, это же Высоцкий! Он-то тут какого черта делает? И откуда взялся? Может приехал к кому-нибудь из переделкинских знакомых? Услышал о предстоящей встрече и пришел?

Все эти мысли проскочили у меня в голове за считанные мгновения. Затем я на время выбросил таковые размышления из мозга, и включился в работу. Да, именно в работу – разве это не работа, отвечать на вопросы? Да еще так, чтобы потом не было мучительно стыдно?

– Начну с государства – сказал я медленно, обдумывая слова – Никому, наверное, не живется в нашей стране так хорошо, как творческой интеллигенции, а конкретно – писателям. Вот только один пример – дом, в котором мы сейчас сидим, построен именно для того, чтобы писатели здесь отдыхали, работали, творили! И замечу – за государственный счет отдыхали! Где, в какой стране такое возможно?! Где писателей буквально носят на руках, осыпая деньгами и звани-

ями? Да нам, советским писателям завидует весь мир! Как я могу быть недоволен этим государством? Которое дало мне все, о чем я только могу мечтать! В том числе – жизнь. Да, я родился и вырос в этом государстве, оно защитило меня от врага, который хотел нас поработить. Как, ну как я могу быть неблагодарной скотиной, и говорить, что мне тут плохо живется? Никаких претензий к государству у меня нет и быть не может. Оно делает все, чтобы я плодотворно трудился, поддерживает меня, ценит меня. А ведь человеку кроме денег нужно еще и понимание, что его ценят, что труд его замечен! Разве не так?

Я сделал паузу, обвел взглядом зал:

– Что касается моих коллег... (пауза, и ощущение – у большинства слушателей даже уши встали торчком, как у овчарки пограничника) – вот здесь сидят лучшие из лучших советских фантастов, Стругацкие и Ефремов. Я воспитывался на книгах Ивана Ефремова. Если бы не он – возможно, я бы и не стал фантастом. Его рассказы, его повести – это совершенство, к которому должен стремиться любой писатель. Братья Стругацкие...

Снова пауза, снова настороженность зала.

– Стругацкие – это уже классика. Стругацкие при жизни вошли в когорту тех, на кого будут молиться читатели, и творчество которых будут исследовать. Они как Пушкин – наше все! (Зал захлопал, засмеялся). Я не всегда с ними согласен, не все в их творчестве мне нравится – в отличие от

того же Ефремова, к которому у меня вообще нет никаких претензий – он столп! Он фундамент нашей фантастики! Колонна из метеоритного железа, подпирающая свод фантастической литературы! Иван Антонович, пожалуйста, покажитесь народу, пусть посмотрят!

Ефремов неловко, грузно поднялся, румяный – то ли ему было неудобно принимать мои такие славословия, то ли ему было приятно это все услышать. А может и все сразу, вместе. Но он встал, поклонился и снова сел на место, и похоже, что он был доволен. Ну почему бы и нет? Разве не приятно человеку услышать, что он Настоящий Писатель!

– А что вам не нравится в нашем творчестве? – не удержался, и не вставая крикнул с места Аркадий Стругацкий, явно уязвленный моими словами. Ну да, хвалить – это правильно, а вот критиковать, да еще и признанных классиков литературы... святотатство, однако! Да еще и нарушение корпоративной этики – писатель не должен критиковать писателя! Ведь эдак можно вызвать огонь и на себя!

– Знаете, у меня такое ощущение, что за годы вашего творчества вы разочаровались в идее социализма. Вначале вы со всем своим писательским талантом поддерживали построение коммунистического общества, а потом... потом вы резко разочаровались. И начали тихо-тихо сползать в либерализм. Но даже не в этом дело. Вот, например, ваша идея о том, как в коммунистическом обществе будут воспитывать детей. Это на самом деле ужасно. Дети, которых отобрали

у родителей, поместили в интернат, дети, которым не позволяют совершать ошибки, за которых решают мудрые Наставники – что это такое? Это на самом деле ужас. Не дай боже нам такое общество, в котором уничтожат семью, в котором детей будет воспитывать государство в интернатах. Моральных уродов, которые представления не имеют, как воспитывать детей! Как заводить семью! Уверен, вы вскорости поняли, что именно описали, и ужаснулись. И пошли в обратную сторону. Заняли позицию, полностью противоположную прежним своим убеждениям. А ведь истина всегда посередине. Сдается мне, что теперь вы будете писать так, чтобы в иносказательной форме критиковать советскую власть. И это очень жаль. На примере вашего «Пикника на обочине» – из ваших книг ушло искрометное веселье, которое прослеживается в первой части того же «Пикника», ведь насколько я знаю, между написанием первой части и остального романа лежит промежуток в десять лет. И вот в эти десять лет вы полностью изменились. Разочарование, безнадега, душевный упадок так и льется со страниц второй части этого романа. Как и последующих книг – уверен в этом. Что вас так потрясло, что заставило разочароваться в социалистической идее – я не знаю. Но факт есть факт – вы теперь ярые противники социализма, а это ошибка.

– И вы что, на самом деле верите, что коммунизм можно построить?! – запальчиво выкрикнул Борис Стругацкий.

– Увы... не верю – тихо сказал я – Коммунизм, общество,

где все справедливо, где всем по труду, по заслугам, где нет никакой собственности, а все общее, где люди светлы и чисты помыслами – он невозможен. Если не будет власти, не будет жесткой структуры, удерживающей людей от плохих поступков – настанет хаос, люди превратятся в зверей, руководимых только инстинктами. И в конце концов снова возникнет власть, на вершину которой вылезет самый сильный, самый жестокий. Вы же сами писали об этом в своем «Трудно быть богом». А вот социализм – возможен, и не только возможен, он обязателен! Поверьте человеку, уже достаточно пожившему в США. Мы здесь имеем много такого, о чем в Америке только мечтают! Безопасность! Гарантированное медицинское обслуживание! У нас никто не умирает от голода! Да, многое мне не нравится, и я уверен – руководство страны думает над недостатками нашего строя, и будет их исправлять. Но в общем и целом, наш строй гораздо более перспективен в развитии, чем строй хапужнического, не сдерживаемого законами капитализма! Нам нужно взять лучшее из социализма, лучшее из капитализма, и пойти своей дорогой. В конце концов, умный человек не гнушается взять правильные идеи даже у идеологических противников. Повторюсь – социализм, это наше будущее!

Я помолчал, улыбнулся и предложил:

– Ну что, теперь пускай мой секретарь соберет записки из зала. И не только из зала! Те, кто стоят снаружи, тоже должны иметь право задать вопрос.

Ольга встала, достала заранее для этого приготовленный пластиковый пакет с какой-то рекламной картинкой (Из США приехал) и пошла вдоль рядов, собирая записки. Смотреть на нее – одно удовольствие. Мужики – просто шеи свернули, разглядывая ее загорелые ноги и круглый задок.

– Ну а пока она собирает – еще есть вопросы? – спросил я, оглядывая зал. И снова откликнулись Стругацкие, теперь Аркадий:

– Ну и какой вы видите нашу литературу в будущем? А конкретно – фантастику? Что, теперь все станут читать такие сказки, которые пишете вы? Кстати, вы так и не ответили – о чем писать фантастам, чтобы добиться вашей популярности? Такие же сказки о драконах и магах?

– А почему бы и нет? – усмехнулся я – Если людям нравится читать про драконов и магов – почему бы не написать?

– Так вы конъюнктурщик? – не унимался Стругацкий – вы пишете на потребу?

– А вы пишете только для себя? Не для людей? Если некто пишет не для людей, а только для себя, это называется медицинским термином: «графоман». Писатель пишет для людей, он учитывает их интересы. Если им нравится про драконов – так почему не дать им драконов? Если им нравится читать про мальчика-волшебника, так я дам им мальчика-волшебника! Это просто, и это правильно! А то, что параллельно, ненапряжно и завуалированно я даю им некие идеи – так и это правильно. Если после прочтения моих книг человек

стал лучше, чище, добрее – разве не в этом цель писателя? Или он обязан только жечь глаголом, ниспровергать и потихоньку пинать власть? Риторический вопрос.

На сцену поднялась Ольга с пакетом, наполненным записками. Я взвесил пакет на руке и недоверчиво хмыкнул:

– Товарищи, если я отвечу на все...мы тут на неделю застрянем! Оставляю за собой право остановиться, когда захочу! Ну что же, начнем...

Я пошурудил в пакете и выудил первую записку, прочитал:

– *Почему вы не женаты?*

Зал захохотал, я улыбнулся, поднял руку:

– Тише, товарищи! Вполне разумный вопрос. Действительно – и почему? Сам не знаю. Когда-нибудь женюсь, точно.

Достал следующую записку:

– *«Вы очень богатый человек, почему вы не отдали все деньги в фонд мира? Зачем вам столько денег?»*

– Хмм...а почему я должен отдать? Зачем столько денег? Да чтобы о них не думать. У нас не коммунизм, так что без денег никуда.

Следующая:

– *«Как вы относитесь к Солженищину и советским диссидентам?»*

– Да никак я к ним не отношусь. Они где-то...непонятно где, а я вот тут. Я ведь уже сказал – я очень благодарен этой

стране, которая позволила мне подняться, которая высоко оценила мой труд. Зачем же я буду кусать руку кормящего? Я ведь не какая-то неблагодарная тварь.

– *«Говорят, что прекратили гонения против Бродского и Солженицына, и что это ваша заслуга. Это правда?»*

– Хмм... честно сказать – не слышал. Но если это правда – заслуга по большому счету не моя, а опять же – советской власти. Нашлись умные люди, которые поняли, что для того, чтобы быть поэтом, совсем не обязательно иметь за плечами литературный институт. Ты или поэт, или нет! Что касается Солженицына – да пусть печатается! Время все расставит по своим местам! И будет ясно – кто прав, а кто виноват. Незачем делать из Солженицына страдальца-оппозиционера, я об этом говорил и буду говорить всегда и везде. Да, я при каждой встрече с руководством Партии говорил, что гонения на Бродского несправедливы. Что Солженицына не нужно преследовать. Не так уж он и страшен. Если ко мне прислушались – так и замечательно. Очень рад.

– *«Почему вы так молодо выглядите? Пишут, что вам за пятьдесят лет, но на вид не больше двадцати пяти! Как так получилось?!»*

– Честно – не знаю! В один прекрасный момент я вдруг стал молодеть! Почему так случилось, кто в этом «виноват» (руками показал кавычки) – мне неизвестно. Но – вот такой я, каков есть.

– *«Вы колдун?»*

– Эээ... – под смех зала я вытаращил глаза – Ну вот что сказать? Если скажу, что не колдун – вы не поверите. Если скажу, что да, колдун – тоже не поверите. Давайте я этот вопрос опущу.

– *«Как вы относитесь к гомосексуалистам?»*

– Хмм... вот никак не отношусь! (зал захохотал). Вообще-то я считаю это отклонение психической болезнью, подлежащей лечению. И уж точно этих больных не надо сажать в тюрьму. За что сажать? За болезнь? Лечить людей надо! И воспитывать – с детства.

– *«Вам не стыдно разъезжать по Москве на белом кадиллаке, и это в то время, когда многие люди не могут себе позволить купить даже мотоцикл!»*

– Ну вообще-то я на белом кадиллаке почти и не езжу. Но ничуть не стыжусь на нем ездить. А чего стыдиться? Я его не украл – заработал. Работайте, стремитесь, и у вас будет белый кадиллак. А может и чего получше! Вертолет, например. (зал захохотал)

– *«Говорят, от вас сбежала любовница к Элвису Пресли. Почему сбежала? Вы что, слабы как мужчина?»*

– Явно женщина писала, заикленная на отношениях с мужчинами. Извините, я бы доказал вам свою мужскую силу – но боюсь, народ этого не поймет и не примет. Слишком людно. Хотя... зато было бы что вспомнить, правда, товарищи? (Зал не просто захохотал – заржал). Ну а в остальном – это наше личное дело. Заглядывать в чужую постель просто

неприлично – я так считаю.

– *«Скажите, какие блюда кулинарии вы любите больше всего? Правда ли, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок?»*

– Честно сказать... не знаю – через что лежит этот самый путь! – искренне признался я – Вроде бы и так, но... спросите любого мужчину – разве он полюбил женщину за то, что она хорошо готовит борщ? Да он, глядя на ее так сказать обводы, меньше всего в этот момент думал о борще! Поверьте мне, опытному человеку! (хохот в зале). А что касается моих любимых блюд... все люблю, что вкусно! Борщ – да! Пельмени домашние обожаю! Пироги! А когда жил за границей, полюбил китайскую кухню – очень острые, фантазийные блюда. Я вообще люблю острое, каюсь.

– *«Какие женщины вам больше нравятся – умные, или красивые?»*

– Похоже что больше всего записок написали женщины – усмехнулся я – А что касается вопроса... мне нравятся красивые и одновременно умные женщины. Просто красивая, «прелесть что за дурочка» – это на один раз. Ну... может на два, на пять. А потом надоест. А умная и красивая – она и в постели хороша, и поговорить с ней есть о чем. А если с женщиной не о чем поговорить – ну на кой черт этот робот? А уж жениться на той, с кем не о чем поговорить... исключено. Но мне не нравятся и слишком уж интеллектуалки. Которые кичатся своим умом, не понимая, что в этом как раз

и заключена глупость. Красивая, умная, простая в обращении, без закидонов и гонора – вот идеальная женщина для мужчины, идеальная жена. Брак с такой будет долгим и продуктивным.

– *«Почему ваш бизнес в США? Почему вы не переводите его сюда, не работаете на родине? Почему вы кормите налогами чужую, вражескую страну? Вы предатель! Вас надо повесить, как предателя родины!»*

– Вы якобы патриот, а слово «Родина» пишете с прописной буквы. Стоило бы с заглавной, раз столько пафоса. Увы, у нас в стране нет частной собственности, потому я могу вести бизнес только за границей. Что касается предательства... нет, уважаемый, соврали. Я не предатель, и моя Родина это понимает. И наградила. За что... это уже вопрос к ней, к моей стране. Вкратце – я пытаюсь сделать так, чтобы не было войны. Чтобы США и СССР не ввязались в самую страшную войну в истории человечества. Чтобы наши народы жили в мире и не боялись друг друга. В США живут такие же люди, как у нас – мечтают, работают, выживают. Им приходится труднее, чем нам – ведь у них нет за спиной могучего государства, которое их лечит, учит, поднимает вверх. Они пробиваются сами. И вот с ними нам воевать? С этими простыми людьми, которые меньше всего желают войны? Войны хотят капиталисты, владельцы оружейного бизнеса – им нужно сбывать свою продукцию. Если нет войны – прибыль падает, капитал не растет. А для капиталиста капитал –

это бог, и этому кровожадному богу надо постоянно приносить жертвы. Людские жертвы. Так вот я вместе с простыми американцами борюсь за то, чтобы мы никогда не сошлись с ними в смертельной схватке. Пока у меня это получается.

«Как вы считаете, в СССР требуются перемены политического курса? Или все должно идти так, как идет?»

– Я думаю – да, назрел момент, когда страна требует перемен. Мы застыли в развитии, не двигаемся дальше. Нас начали обгонять! Мы отстаем! Пора, пора что-то менять! И если я это понимаю – уверен, что руководство страны тоже это понимает.

– *«Спойте ваши песни!»*

– Спою. И не только я спою, но и мой секретарь Ольга Фишман. Она великолепно исполняет баллады, вы наверное все их слышали. Это баллада «Дороги», «Песня ведьм», ну и другие песни. У нее вышла пластинка в фирме «Мелодия», и пластинка разлетелась в продаже за считанные дни. У меня было ощущение, что Ольга поет из каждого окна. (смех в зале) Но это позже. Пока – вопросы. Итак, следующий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.